

18+ Данька Вишневская

Вечное лето 2.0

Данька Вишневская

Вечное лето 2.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623651

ISBN 9785449332936

Аннотация

Каникулы! Митька едет на море к брату, строить песочные замки и есть вареники с вишней. Вот только с идеальным летом что-то не так и откуда-то дует адски холодный ветер. Вроде бы всё просто, да? Успел навесить ярлыков? И ошибся! Книга вовсе не детская, не дай мультяшной обложке тебя запутать. История-загадка, которая совсем не то, чем кажется. Глубокая, многослойная и непредсказуемая. Удивляет, заставляет задуматься о самом важном и трогает до слёз.

Вечное лето 2.0

Данька Вишневская

Дарья Сабрекова *Редактор*

Виталий Миненко *Иллюстратор*

Александра Приданникова *Корректор*

© Данька Вишневская, 2020

© Виталий Миненко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-3293-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каникулы

Митька первым выбежал из школы и подкинул ярко-синий рюкзак.

– Ура, каникулы! Каникулы!

Прозвенел звонок, и на крыльцо начали выбегать другие ребята, но они ничего не подбрасывали. Приходилось вести себя прилично – их же встречали родители. За Митькой никто не пришёл. Забыли? Ну и что, расстраиваться, что ли? Да и большой уже, шестой класс закончил. Главное, что его ждут дома, а сегодня даже с варениками.

Мальчишка обернулся и посмотрел на школу. Высокую,

зелёную пятиэтажную громадину. Довольно и озорно показал язык: впереди три месяца свободы. Митька сиял так же, как его дневник от пятёрок. Вот уж мама будет рада, вот уж мама его похвалит! Не попрощавшись, побежал скорее домой, а полупустой рюкзак весело прыгал за спиной. Наискосок через двор. Высокие, скрипучие, взлетают до самых небес. Ох, сейчас бы посильнее, до стука. Но живот урчал, да и успеется с качелями. *Привет, любимые качели!*

– Лето, – мечтательно произнёс Митька, остановился, закрыл глаза и вдохнул. Как бы всё прочувствовать, законсервировать, сберечь? Завтра июнь – как вечер пятницы перед долгожданными выходными в девяносто два дня. Улыбнулся и помчал вприпрыжку. Завернул за угол – и почти дома. Осталось пройти мимо любопытных бабулек – охранная система дома, всевидящее око. Сидели старушки тесно, дружно, словно это единственная лавочка во дворе.

– Здравсьте! – крикнул Митька, чтобы все расслышали.

– Здравствуй-здравствуй, Митенька, – старушки закивали, заулыбались. Митьку они любили: всегда поздоровается; если нужно, и сумку поможет донести.

– Чего такой счастливый? Пятёрки, небось, нахватал?

– За четверть и за год, баб Вер! Круглый отличник! – Митька обычно не хвастал, но тут уж не удержался, тем более есть чем, не зря же он старался.

Старушки одобрительно заохали, кто-то тихонечко шепнул: «Повезло Львовне с таким внуком», отчего раздумяни-

лись Митькины щёки.

В подъезде пахло свежей выпечкой и корицей, как в кондитерии. . Аромат такой, что живот заурчал ещё сильнее. И бегом на третий. Хотел стучать, но потянул ручку – не заперто, значит, бабушка увидела его в окно. Мама часто ругала её за такую привычку: ну мало ли кто зайдёт, пока Митька поднимается. «Как замечтается – час в подъезде простоит, пока всех ворон не сосчитает». Бабушка не спорила, кивала, но всегда делала по-своему. *У нас, наверное, готовят... хоть бы у нас Да иду я, иду.*

– Это я! – радостно крикнул Митька.

– Пришёл, дружок, как ты быстро. Бегом мой руки и садись за стол, – донеслось с кухни.

– Вареники? Пирожки? – Митька скинул кроссовки и помчался в ванную.

– То и другое, смотри не лопни, – ответила бабушка. – И аккуратно, не обожгись.

– Ба, а когда мама с папой приедут? Сегодня? – Митька пританцовывал, пока мыл руки. – Ба?

Вероника Львовна ничего не ответила. Митька заторопился на кухню, не нравилось ему это молчание.

– Ба-а? – Мальчишка сразу всё понял, и глаза сделались влажными, теряя весь карий цвет, да так, что сквозь пелену слёз ничего и не разглядишь. – Не приедут, да? Всё отменяется?

– Что поделывать, работа у них такая. – Бабушка старалась

не смотреть в глаза и всё накрывала на стол, суетилась. – Нашли новое место, говорят, ажиотаж. Сейчас трудно найти что-то стоящее. Музей настаивал, чтоб они туда отправились. Дело повышенной срочности или важности. Ты чай будешь или компот налить?

– Ага, повышенной, у них всегда так. – Слезы душили, и голос срывался. – Лежало в земле веками, теперь срочно понадобилось. А меня почему с собой не взяли? Я ведь не маленький! – И подумал: «Я тоже важный». – Ведь так и знал!

– Мить, ты пойми, там никаких условий. – Бабушка примирительно поставила перед ним большую тарелку вместо обычной.

Она понимала, что условия условиями, но ребёнок скучает по родителям. Не виделись больше месяца и дальше поехали.

– Других детей там не будет, родителям некогда даже покушать приготовить, вареников сварить. Ешь давай, а то остынет.

– Ба, ну это же несправедливо! Обещали, что если закончу на одни пятёрки, то обязательно. Пятёрки-то есть, а родителей нет. Сиди тут теперь в нашем городишке, чахни, – вздыхал Митька и ел вприкуску со слезами. Вкусно и солоно.

– Никто не собирается чахнуть, придумаем с тобой какие-нибудь развлечения, – пыталась подбодрить бабушка.

– Какие? Ребята в отпуск поедут в тёплые страны, а я?

На лавочку сесть вместе со старушками? «Здравствуйте, Антонина Семённа, как ваш радикулит?» Или лучше в дурацкий сад? Сорняки полоть? Ну уж, дудки, – пробурчал Митька. – О работе-то они подумали, а обо мне нет. Я тоже в путешествие с приключениями хочу, на море.

Бабушка молча встала, поправила белый фартук с гусями и пошла мыть посуду. Ничего не сказала, как-то съёжилась вся, плечи опустились. Лучше бы заругалась. Так проще: когда ругаются, можно обидеться, а тут – сам виноват. Когда мама с бабушкой ссорились, мама никогда ей не верила. Говорила, что актриса из неё всё ещё хоть куда, правда, спектакли теперь для домашних устраивает.

Но в этот раз Митька чувствовал, что всё по-настоящему. Ему стало неловко: вовсе и не ужасный сад. Он любил уютный деревянный домик, дедушка его сам построил, когда ещё жив был. Шесть соток, огороженных не забором, а кустами с малиной – живая изгородь. Никто не заставлял там работать, про сорняки, выходит, зря ляпнул. Бабушка выращивала цветы, деревья да ягоды, с каждым годом всё больше превращая его в вишнёвый. Никакой тебе картошки-морковки. Бывало, приедут туда вдвоём, Митька с книжкой забирается в старое дедово кресло, Вероника Львовна садится в тенёк и вяжет, то и дело поглядывая на город. Проголодаются – Митька сбегает за водой на колонку, нарвёт мяты у соседней, и заварят самый вкусный чай из ягод и трав. Зимой не купишь ни такой клубники, ни чая. Бабушка расска-

зывает истории – про то, как мама с тётёй были маленькими, про дедушкину работу, как он красиво ухаживал, про молодость в театре, про то, как она играла цариц и служанок, как зал по три раза вызывал их труппу на бис, а бабушка каждую премьеру приходил с цветами. И от таких разговоров на душе так хорошо становится, никаких морей не надо, только бы чай не кончался и бабушка улыбалась.

Митька понимал, что не прав, и начал сопеть – сперва тихо, а потом всё громче и громче. Извиняться всегда тяжело. Бабушка на его сопения не реагировала. Тогда мальчишка подошёл и обнял её. Прижался сильнее, и снова слёзы подкатили.

– Прости меня, ба, зря я так. Никуда это море не денется, в сад так в сад. Книжек наберу, велосипед возьму. Главное, чтобы лето пришло, а то помнишь, как в том году?

Бабушка не ответила, развернулась и взъерошила его густые русые волосы – простила, значит. Посмотрела хитро так, чуть прищурилась. Митька сердцем чувствовал: задумала что-то.

– Беги отдыхай. Придумается что-нибудь.

Митька знал, что отвлечёт его от грустных мыслей. Подошёл к большому шкафу в гостиной. Тысяча и одна книга, столько историй, которые только и ждут, когда их наконец прочтут. Изучал корешки, медленно проводил по ним рукой, гладил. Названия книг он знал наизусть, а прочитал лишь треть. Выбирал всегда особую, под настроение. Сейчас искал

такую, чтобы в ней не про зиму и учёбу, а больше про приключения, которых так не хватает. Достанет одну, подержит в руках, подумает, прислушается. Та или не та, волшебная или нет? Ждала ли его? Его так дедушка научил, это был их маленький секрет.

Не успел Митька выбрать, как услышал, что бабушка разговаривает с кем-то по телефону. Не с мамой ли? Подошёл поближе к двери. Подслушивать нехорошо, но вдруг мама? Звонит она редко, говорит, что дорого. Дверь неожиданно распахнулась, и Митька вздрогнул.

– Собирай чемоданы, едем! – Бабушка улыбалась и больше не злилась. Гуси на фартуке – и те заплясали.

– К маме? – робко уточнил Митька.

– На море. Помнишь тётю Марину с дядей Ярославом, Севку? Брата двоюродного? Сказали, что приютят нас. На всё лето не обещаю, но месяца на два точно. Что скажешь, поедem в гости?

– Но Севка же в Питере... Ты холодное море имеешь в виду? Балийское?

– Балийское, – передразнила Вероника Львовна и рассмеялась: – Как же ты по географии пятёрку получил? В Питере Финский залив Балтийского моря, но я сейчас о другом. Они переехали на юг, у Севки же астма. Нельзя ему теперь в таком климате, да ещё и в мегаполисе – слишком грязный воздух. Выбрали небольшой домик прямо на берегу. Море там тёплое и самое настоящее, как ты мечтал.

– Ура!

Митька закружил вокруг бабушки, исполняя победный танец. Да, мама с папой далеко, ищут свои ненаглядные реликвии и сокровища, и ещё одно лето без них. Но его, Митьку, ждут море и Севка, а это уже кое-что.

– Бабушка, а как же твоя клубника? – Митька перестал танцевать и замер, испугался, а вдруг спугнул?

– Подарю Клавдии, – махнула рукой Вероника Львовна, – давненько она на мою «викторию» глаз положила. Пусть собирает. Не зря же она с нами мятой и иргой делится? А фруктов мы и у Севки наедемся.

– Ба, ты у меня самая лучшая!

До вечера их ждали приятные хлопоты, Митька начал жить в предвкушении. Сердце так и ухало. Сперва на вокзал, с билетами повезло – отправление завтра. Места, правда, боковые достались, но разве это важно? Потом – по магазинам. Митька выпросил белую футболку с кораблём и новые синие сандалии, на фуражке, как у моряка, бабушка настояла, а себе взяла платье василькового цвета и казалась в нём такой молодой. Оставшееся время ушло на сбор чемоданов. Митьке доверили упаковываться самому. На антресолях нашёл чей-то старый круг, надул и ходил по дому, распевая любимую песенку: «Я морячка, ты моряк». Прикладывал пыльную ракушку к уху: так ли звучит на самом деле? Скоро, уже совсем скоро он наконец-то увидит море!

Ночь

Митька долго ворочался, никак не мог уснуть. Всё представлял, как они с братом будут нежиться на тёплом песке, играть в пиратов, кататься на велосипеде. *Ой, а где я там велосипед найду? Свой-то не повезу, тяжело. Ладно, как-нибудь без него.*

В полночь послышался стук колёс. Прямо за бабушкиным домом проходила железная дорога – не та, что связывает города, не та, где их будет ждать поезд. Лишь небольшой участок от старого до нового завода. Папа сказал, что километров пять всего, но для Митьки всё равно Дорога. Обычно четыре вагончика, везут что-то туда-сюда. Стучат громко и, совсем как большие, плющат монетки. Как проедет, встанешь на рельс – вибрирует.

Два года назад приезжал Севка, говорил, звук почти как от трамвая. Ему виднее: в маленьком городке у Митьки ни трамваев, ни троллейбусов, одни старенькие автобусы. Ко Дню города вместо того, чтобы заменить на новые, разрисовали по трафарету яркие ромбики. «Слёзы радуги» – так их прозвали старушки у подъезда.

Раз уж всё равно не спалось, мальчишка по привычке сел на подоконник и смотрел на ночной город. С той стороны, что ближе к дому, была аллея, летом она утопала в зелени, высокие тополя заслоняли свет. Митька любил гулять около железки и смотреть на поезда. Мама боялась, что он как-нибудь забудется да и пойдёт по путям, а там – бац! – и поезд – бац! – и нет Митьки. С ним случалось иногда такое: как

задумается о чём-то своём – о дальних странах или животных, что живут на Марсе. Головой кивает, «ага-ага» говорит, а сам далеко. Но он никогда не гулял по шпалам. Оказалось, что неудобно, не так, как описывают в книжках или показывают в фильмах.

Год назад, правда, огляделся по сторонам, послушал, что поезда нет, – встал ровно посередине и сделал снимок. Деревья создавали особую арку, отделяя Дорогу от всего мира. Сквозь листья пробивались лучи света, а рельсы у горизонта сходились в одной точке. На чёрно-белом фото ничего не отвлекает от главного – от самой Дороги.

В то время как раз проходил конкурс на лучший снимок города. «Дорогу» опубликовали на сайте, запустили голосование. Митька был горд собой и что под фотографией стоит его имя. Одноклассники потом ещё долго называли его фотографом, но не обидно так, с уважением. Слухи разлетались быстро, и вот знает вся школа. Один старшеклассник спросил: «Сколько голосов набрал?» Митька видел, что больше тысячи, но промолчал – разве это важно? Никто ведь не поймёт, что самое главное в самом процессе. Как идеально падал свет, как захватывало дух, когда нажимал на кнопку. Что в редакцию они с папой только вдвоём ходили. Пока шли – не говорили об уроках или о том, чья очередь мыть посуду. Его не ругали, что ослушался и встал на рельсы ради хорошего кадра. Папа рассказывал, как любит дорогу и поезда, путешествия, печь картошку у костра и звёздное небо. А ещё

о том, как в прошлый раз нашёл обломок кувшина, а мама ручку от чашки. Когда их изготовили и кто, точно установить не удалось, но не позднее девятнадцатого века. «Прошлое прекрасно, стоит лишь обернуться», – любит повторять папа.

Митькин снимок ему понравился, потому что тот будто из прошлого. Фото не заняло призового места, зато попало на выставку во Дворце культуры и провисело там целый месяц. Оценка родителей для Митьки важнее приза и сотни приятных комментариев от незнакомцев. Поэтому он так расстроился, что, когда проходила выставка, мама с папой были далеко. Как, впрочем, и когда были утренники в детском саду, и маленький выпускной в третьем классе. А уж сколько дней рождения они отметили порознь.

Митька же никогда не уходил далеко от дома, часто гуляя вдоль железной дороги. Когда заканчивалась аллея, Дорога переставала сходиться в одной точке. Заворачивала куда-то к садам, а за садами – морг. От одной мысли шли мурашки. Мальчишки постарше ходили заглядывать в окна, говорят – видели настоящего покойника. Но Митьке не верилось, любят уж они приукрасить. В другую сторону, куда уходили рельсы, тоже ходил, но нечасто. Они пролегли около рынка, потом скрывались в берёзовой роще и выныривали у химического завода. В той части нет особой атмосферы таинственности. Слишком близко ездят машины, галдят люди, с рыночных киосков гремит музыка. Приключения вряд ли

живут в таких шумных местах, разве что ближе к заводу: там даже страшнее, чем у морга.

Ходят слухи, что там блуждают лисы – охотятся на чаек, которые облюбовали искусственное болотце, пьют из стоков, в которые сливают химические отходы, из-за чего потом сияют по ночам зеленовато-жёлтым светом, а глаза – как фонари – спят заблудившихся путников. Такую байку, каких полно в каждом маленьком городе, Митька впервые услышал от старушек у подъезда. Уж они-то любят пугать, предостерегая детей не ходить по тёмным местам. Но однажды подслушал, как тех же светящихся рыжих обсуждали старшеклассники. Мол, пытались их сфотографировать, но снимки всегда выходят смазанными и засвеченными. Возможно, они как призраки? Митьке хотелось самому посмотреть, проверить – выдумка ли? Вдруг ему удалось бы их сфотографировать? Отпугивало лишь то, что они могут оказаться никакой не аномалией, не мутантами, а вполне себе обычными лисицами, болеющими бешенством.

Поезд

В поезде до моря всего три дня для Митьки и целых трое суток для Вероники Львовны. В целях экономии – плацкарт, шумно, весело и совсем не до сна. Позвякивают стаканы, в воздухе витает аромат жареной курицы, чипсов, и хруст стоит на весь вагон. То и дело мимо проходит кто-нибудь с растворимой лапшой, боясь расплескать драгоценный бульон. Звуки и запахи сливаются воедино, становясь чем-то

целым и неделимым. Вот оно, путешествие, которого так ждал, о котором мечтал. Неужели это правда и всё происходит с ним наяву?

Вероника Львовна быстро нашла собеседницу, такого же заядлого садовода. Они обсуждали рассаду, кто как ухаживает за кустарниками. Бабушка всё же посетовала, что ,но больше по привычке, чем всерьёз. Митьке запомнилась одна фраза, которую обронила женщина-садовод. *пришлось оставить клубнику, ох, и кто же будет ухаживать за моей яблонькой*

– Мы растаем в землю, пускаем корни и так боимся их потерять. Не люблю уезжать: такое чувство, что меня выдирают и ставят в вазу. Жду, пока пройдёт время и я смогу высадиться на своей земле, стать самой собой. Но в этот раз, – женщина кивнула по ходу движения поезда, – меня ждут внуки. – Она улыбнулась, но иначе, чем когда говорила о саде, – гораздо теплее.

В первый же день Митька познакомился с ровесником Антошкой. Болтали о том о сём, играли в карты. Нашли общий язык, и Митька радовался, что проведёт три дня с новым другом. Но счастье длилось недолго – ровно до того момента, как у Антошки зарядился телефон. Сел играть, да так, что не видно, не слышно. Слезал с верхней полки только перекусить или снова зарядиться. Митька на него не злился, но обидно, что не получилось у него стать важнее игрушек. Ну и пусть, где-то за горами, Севка и море, и никаких ком-

пьютеров.

Митька занял верхнюю полку и всё смотрел, как меняются пейзажи. Когда проезжали над речкой – захватывало дух. С собой был плеер, но слушать музыку не хотелось: стук колёс ближе сердцу. Его одноклассники частенько сидели в телефонах, некоторые почти всё лето проводили дома, за компьютером. Не то чтобы Митька не любил пострелять по монстрам или пройти сложную головоломку. Полгода назад, когда родители были в экспедиции, играл и играл, да так подсел на одну бродилку, что про всё забыл: и про уроки, и про посуду. За посуду влетело от бабушки, за успеваемость – от завуча, а потом уж и маму в школу вызвали. Обиднее всего, что к тому времени игру он забросил. Время пролетало слишком быстро, а потом накатывало ощущение невероятной пустоты, будто и не жил вовсе. Так, существовал, как зомби какой-то. Да и неприятно двойки получать. Учительница как спросит параграф, стоишь у доски, мнёшься. Не знаешь, то ли начать придумывать, оправдываться, то ли честно признаться, всё равно ругать будут. Мама потом с ним серьёзный разговор вела, долго и доходчиво. Ремнём пригрозила, а он огрызнулся. Сказал, что нельзя так, не положено детей бить. Пытался доказать, что играть больше не хочется, но разве тут поверишь? Компьютер не забрали, для учёбы нужен, но злополучную игру удалили. Митька знал, как поставить всё обратно, да так, чтоб никто и не узнал. Обходные пути и лазейки давно нашёл. Да

и как заметят-то, если их дома не бывает? Но обманывать не хотелось, и договора не нарушал. Папа сказал, что самое опасное – можно не захотеть возвращаться в реальный мир, и был прав.

Вспомнил о родителях и сразу представил, как они каждые три месяца садятся в поезд, пьют чай, смотрят в окно, и чуть не расплакался. Думают ли они о нём, о Митьке? Когда слушают стук колёс, уносящих их всё дальше и дальше от него? Когда копают «квадрат» или вечером сидят у костра? Когда папа достаёт свою гитару и начинает петь «Под небом голубым есть город золотой»?

Три дня пролетели быстрее, чем ожидал Митька. Поездка подходила к концу, здорово было ехать навстречу приключениям. Смотреть, как меняются виды за окном и попутчики. Как люди не находят себе места, оставшись наедине с самими собой, пытаясь всё пространство заполнить беседой, книжкой, едой. Гранёные стаканчики позвякивали, ложки стучали. Чай крепкий, с сахаром и лимоном, становился вкуснее, пахло морем, летом и счастьем. До прибытия оставалось несколько часов. Поезд наполнился волнительным ожиданием, всё больше людей собирались на выход, сдавали бельё проводнице. Митька с бабушкой сидели налегке. Жара такая, что пришлось открыть окна. Тёплый ветер играл с волосами, волновал мысли.

– Бабушка, а ты ведь была на море? Какое оно? – Митька болтал ногами в синих сандалиях и смотрел в окно. Он на-

дел новую футболку с кораблём и не мог спокойно усидеть на месте.

– Давно, с Владимиром Александровичем ещё. – Она всегда так улыбалась, когда вспоминала о муже.

Митька подумал, что почти никогда не видел бабушкиных слёз. Он же не мог не плакать, когда вспоминал о дедушке. Грустные мысли чаще приходили перед сном.

Когда тот был жив, они вдвоём делали уроки, а потом дедушка садился в любимое кресло, а Митька на диван, пили какао и разговаривали обо всём на свете. Он так увлекательно рассказывал про ток, про далёкие планеты, как устроена Вселенная и как правильно стрелять из рогатки. Митька никогда не стрелял из рогатки и не собирался, но не перебивал. Последнее время, перед его смертью, Митька редко приходил пить какао – хотелось почитать перед сном или посмотреть мультфильм. Всё казалось бесконечным, даже самое лучшее можно было оставить на потом.

Когда дедушка умер, Митька ещё не знал, что такое смерть, но плакал вместе со всеми. Мальчишка не сразу понял, что это навсегда. Только лишь когда ему захотелось какао и рассказов про «всё на свете». Никогда-никогда не будет больше таких вечеров. Книжки и мультфильмы будут, а дедушка – нет. Слёзы – тут как тут, Митька отвернулся к окну, чтобы бабушка не заметила.

– В первый раз, когда мы ездили на море, там и останавливались, – бабушка произнесла так, точно то был рай на зем-

ле. – Знаешь, там тогда было так хорошо. Может, и сейчас хорошо, не знаю, столько времени прошло, Боже мой, столько времени. Как раз и проверим с тобой, да?

– Идеально? – Митьке казалось, что «хорошо» слишком мало для моря.

– Смотря для кого. Для нас – идеально, не могло быть места лучше. Мы ездили дикарями, жили в красивом доме, который сдавала говорливая хозяйка. Каждое утро она кормила нас завтраками, а вечером – байками и вином. Вино некрепкое, но кружило голову. Мы были молоды и влюблены. У нас не было ничего, кроме нас двоих, и этого было достаточно. – Бабушка медленно водила пальцем по стакану и смотрела в окно. Митьке казалось, что там, за окном, она видит себя в молодости – счастливую загорелую девчонку.

– Всего два платья, – продолжила Вероника Львовна, – одно простенькое, на каждый день. Второе, особое, дважды выгуляла в ресторан, который находился в соседнем городе. Я чувствовала себя в нём самой красивой – как сейчас помню, василькового цвета.

– Как то, что на тебе сейчас? Что мы купили вчера? – Митька разгадал причину той загадочной улыбки.

– Да, именно такое.

Поезд остановился. Антошке пора было выходить, Митька помахал ему на прощание, а что сказать – не нашёлся. Но новый знакомый бросил через плечо:

– Найди меня в Сети – Тони Кот. На аватарке у меня боль-

шой котятра, не ошибёшься. Добавляйся, поболтаем.

Митька кивнул, а сам подумал: «О чём же?»

– Что там ещё было, ба?

– Что ещё делают на море? Ели фрукты и ягоды, что росли в саду. Сливу, которую не нужно кусать – такая сочная, тает во рту. А какой вкусный там рос виноград! – Она закрыла глаза. – Страсть как захотелось винограда, надеюсь, что у Маришки такой же. Ты любишь виноград?

– Да, но вишню больше.

– Вишнёвая ты душа, как и твой дед, – вздохнула бабушка. – Знаешь, он мог развлекать меня часами, рассказывать про изобретения, как придумал, чтобы всё лучше работало. Ничего не понятно, куда мне, простой актрисе, до великих наук. Но слушала всегда внимательно, так интересно он про всё говорил. За его открытия давали премии. Горжусь им, он гений. Был. – И тут её голос дрогнул.

Расстроил.

– Бабушка, ты бы хотела вернуться назад? В то лето?

Она посмотрела на него внимательно. Внук спросил о чём-то таком, чего не стоило спрашивать. Или, наоборот, очень даже стоило?

– Надеюсь, что после смерти меня ждёт то лето.

– Ба-а, – протянул Митька, получилось с укором, – рано тебе ещё о смерти думать. Ты молодая, вон какая красивая в новом платье.

Она улыбнулась, стряхнув с себя грусть, и кокетливо по-

правила русые волосы с единственной седой прядью.

– Не тороплюсь. Не собираюсь покидать тебя раньше времени, слышишь? Сколько мне отмерено, буду жить и радоваться каждому дню. У меня здесь столько прекрасного, что не могу взять и оставить.

– Например, я? – подсказал Митька.

– Ты, твоя мама, Севка и тётя Марина.

– Твоя клубника!

– Моя клубника, – согласилась бабушка. – А почему ты спрашиваешь?

Сладко запахло чем-то знакомым, цветочным.

– Ба, а чем это пахнет? – спросил Митька.

Вероника Львовна вдохнула поглубже и ответила:

– Чубушник так пахнет, по-другому садовый жасмин.

Помнишь, в саду у нас растёт? Кустарник с белыми цветочками?

– Какое смешное название – «чубушник», – заулыбался Митька.

12:38

Поезд подъехал на станцию в 12:38. Ещё в тамбуре сердце начало биться быстрее. Стоянка две минуты, «посадка-высадка на ходу», как говорит мама. Митька с бабушкой сошли, поезд помчал дальше, не забыв озорно гуднуть на прощание.

Всё не так, как представлялось Митьке. Ни большого душевного вокзала, ни палаток с мороженым, наглых таксистов – и тех нет. Одинокий облезлый ларёк с кассой, закрытый

на обед, охраняла рыжая собака. Разбуженный пёс лениво открыл один глаз, зевнул и, устроившись поудобнее, снова засопел. На перроне трое встречающих – Севка и его родители. Митька хотел помахать, да руки заняты. Поезд остановился далеко, и теперь они шли навстречу друг к другу.

– Здравствуйте! – громко поздоровался Митька издалека.

– Митька, привет! – крикнул Севка в ответ.

Брат за два года подрос, вытянулся. Выше Митьки на целую голову, худой, как струна. Кудри так и блестят на солнце, успели выгореть, а ведь ещё только начало лета. К телу липнет новый загар или старый не сошёл? От болезненной питерской бледности не осталось и следа. Синие шортики, белое поло, на кармашке маленький значок с якорьком. Митьке тоже захотелось такой.

– Мам, как добрались? Как давление? – Марина Владимировна кивнула мужу, чтобы тот взял багаж.

– Поезд скорый, не укачало. Чувствую себя хорошо, устала немного.

Митька знал, что у бабушки болит спина, но она слишком гордая, чтобы сказать об этом.

– Идти тут недалеко. Я в одной из комнат сделала попроще, как ты любишь, как раз отдохнёшь с дороги. – Марина Владимировна нервничала и начала тараторить.

– Надеюсь, не помешаем вам, не хотелось бы навязываться. – Вероника Львовна отдала весь багаж, кроме маленькой сумочки.

– Ма-ам, – дочь протянула с укором, – ты не навязываешься. В Питере у нас один раз была за десять лет. Прости, что не приезжали, сама понимаешь. – Она кивнула на сына, дальше можно и не продолжать. – Я соскучилась. Да и как мы можем вас отпустить, пока фрукты не созреют? Митька, любишь арбузы?

– Кто ж их не любит? – радостно ответил Митька.

Тётя смешная, рядом с бабушкой становилась почти девчонкой. Забавная причёска – острый ёжик вишнёвого цвета и помада в тон. Воздушное, как зефир, розовое платье и короткая джинсовка. Митька подумал, что сзади принял бы её за подростка. Но если смыть с неё всю краску, то с мамой они почти как две капли воды. Дядя был совсем не похож на папу, скорее на итальянца, во всём белом. Кудрявые чёрные волосы собраны в хвост. За то время, что они не виделись со смерти дедушки, не добавилось новых морщин, никто особо не изменился. Хотя нет, у тёти тогда волосы были малиновыми, правда, она практически не снимала траурного платка.

Мальчишки оторвались вперёд, за ручки с двух сторон подхватив большую сумку. Митька оглядывался по сторонам, ему хотелось рассмотреть всё получше. Станция находилась на высоком холме, с левой стороны не видно ничего, кроме гор и моря, по правую руку красно-белый маяк, а прямо внизу маленькие домики.

Митька насчитал чуть больше десятка и сбился *Они так*

*близко у воды, как их не смывает? Сколько же их там? .
А когда прилив, они выходят из дома и сразу же опускают
ноги в воду?*

Дорога вильнула вправо и пошла вниз, между песчаных дюн. Ощущение, что ты в пустыне – ни конца, ни края песку и солнцу. Молчание отчего-то становилось неловким.

О чём говорить? Начать с того, что закончил на одни пятёрки? Подумает, что хвастаю. Спросить о море? Так краешек и сам увидел. Об астме? Но вдруг ему вовсе не хочется об этом.

– У тебя есть велосипед? – наконец нашёлся Митька.

– Есть, – обрадовался Севка, – но тут мало где можно кататься, да и мама далеко не разрешает. Бойтся отпускать надолго одного из-за приступов. Когда еду, бывает тяжело дышать, – Севка спокойно говорил о болезни.

– Жаль. – Митьке хотелось поскорее всё исследовать.

– Тут и так хватает что посмотреть, – сказал Севка, – маяк, бухта или наш дом – вот мы и пришли.

Обогнули последний бархан и увидели его. Дом казался чем-то невероятным. Никогда раньше Митька не видел такой красоты. Двухэтажный кирпичный разноцветный торт из разных слоёв, каждый своей формы и цвета. Если смотреть слева направо, то сперва видно высокую башенку цвета корицы, на её макушке – морковный шпиль. Башенка плавно переходит в лимонный треугольник крыши, а тот, в свою очередь, сменяется нежно-голубой башенкой со шпилем-бе-

зе, плавно перетекающей в густо-сливовый покаты́й бок.

В Митькином городке нет такого, буйство красок заворачивало. В доме было нечто невероятное: все очертания знакомы, но так загадочны. Не дом – бунт против серой жизни. Архитектурное лакомство. Митька ожидал увидеть простой бело-синий дом, как на картинке пазла, что они собирали с бабушкой, красный кирпичный, каких полно у них на окраине. Старый покосившийся или небольшой трейлер – ничто бы не вызвало удивления. Но только не такое чудо. *Какие тайны он скрывает? Что за чудак построил такое? Дом волшебника, мага, фокусника или супергероя, но никак не обычных людей.*

– Нравится? – с гордостью спросил Севка, который до этого молчал и наслаждался реакцией.

– Очень! – Митькины глаза блестели, первый раз в жизни он завидовал брату. – Кто построил?

– Не знаю, – признался Севка, – раскрашивала мама, из всех красок, что остались от её проекта. Теперь соседи смеются, что мы не решили, какой цвет выбрать, и попробовали на каждом кирпичике свой.

Севка оказался прав. Дом не просто был разного цвета по блокам – каждый кирпич выкрашен в свой оттенок. Причудливые формы идеально смотрелись в мягком градиенте.

– Не ожидала, что вы решитесь на такое, – аккуратно сказала Вероника Львовна.

Митька не заметил, как подошла бабушка, и вздрогнул.

– О, мама, как ты оценишь моё творение? Помнишь, как вы с отцом ругали меня, когда нашли разрисованной любимую скатерть? Ожидали, что это будут обои, но я обошла вас. Долго же тогда пришлось стоять в углу, – она усмехнулась.

– Кто ж знал, милая, что в нашей семье растёт дизайнер, – бабушка улыбнулась в ответ и неожиданно похвалила: – Мариночка, у тебя замечательно получается. Это ведь тот самый дом, в котором мы останавливались?

– Да, мам, – ответила тётя, – когда увидела, что он выставлен на продажу, то не могла поверить. Жаль, что папа не видит, ему так нравилось здесь.

– погоди, ты ведь тогда нарисовала на скатерти его именно таким, те же цвета?

– Исполнила детскую мечту, – ответила Марина Владимировна. – Не бойся, пойдём внутрь, тебе наверняка понравится то, что скрывается за фасадом.

Внутри и правда всё было сдержанно-бежевое, серое, нежно-голубое. Митька расстроился – почему волшебный «дом-пироженка» такой скучный внутри? Взять бы краски и всё тут разрисовать. Мальчишки наскоро пообедали, выслушали лекцию, как должны себя вести и во сколько вернуться, захватили полотенца и пошли к морю. Солнце слепило так, что не разобрать, что же впереди. Но волны шумят и манят. Дома были не так близко, как казалось с высоты. Митька почувствовал, что сердце снова забилося быстрее. Поскорее бы снять сандалии и помчаться к воде.

– Не разувайся, – прочитав мысли, предупредил Сева, – песок в полдень так прогревается, что далеко босиком не убежишь. Поджаришься, как уж на сковородке. Я дважды обжигал пятки.

Митька вспомнил, как летом у них в городе плавился асфальт. Дедушка шёл, и его трость уходила глубоко, оставляя неровные следы на тротуаре рядом с их домом. Когда асфальт остыл, затвердел – как на Аллее славы остались отметки. Пусть не в вечности, но на несколько лет вперёд. Отметки будут, а дедушка – нет. Митька думал о них как о напоминании: что останется после нас? Какие отметки?

Но разве всё сравнится с морем? Прямо сейчас взял бы стеклянную бутылку и наполнил её до краёв песком и ракушками, красивыми камнями. Сделал бы сотни снимков на память. Или нарисовал? Вдруг во мне, как и в тёте, пропадет художник?

Митька первый раз шёл к морю и испытывал дикий восторг оттого, что это наконец-то случится. Но к радости приешалось какое-то непонятное щемящее чувство, будто он заранее начал скучать по всему. По всему, что происходит и произойдёт. Но всё, что ему оставалось, – впитывать, запоминать. Повеяло адским холодом, ветер грубо теребил волосы. Митька быстро продрог и остановился у самой кромки, волна целовала стопы. Он не мог ступить и шага, словно там, в море, его ждало что-то ужасное. Ощущение новизны и восторга сменилось чувством дежавю. Но что может слу-

читься? *Остановить бы время, как оно прекрасно!*

– Чего ты стоишь, залезай скорее! – Севка стоял по грудь в воде и махал ему рукой. – Тут неглубоко! Медуз нет, акул тем более.

Митька решил и пошёл навстречу брату. И стало теплей.

Дом-пироженка

Мальчишки вернулись к ужину, когда стемнело. Уставшие, голодные, но Митька был так счастлив, что не мог перестать улыбаться. Севка на него постоянно поглядывал, словно боялся, что тот куда-то исчезнет.

– Ну что, внучата, накупались? – Вероника Львовна успела отдохнуть и выглядела бодрее.

– Севка, я же просила вернуться пораньше. Митька, наверное, устал с дороги, проголодался. – Тётя суетилась, накрывая на стол, показывая матери, что она хорошая хозяйка. – Не сгорели хоть? – Не дожидаясь ответа, крикнула: – Ярослав, спускайся ужинать, всё готово!

– Мам, что поделать, Митька не хотел из воды вылезать. Пальцы морщинистые, смотри! Солёный, как ваша рыбка. Когда всё-таки вылез, то ни за что не пошёл домой, пока солнце не закатилось за горизонт. – Севка сел на своё любимое место, Митька рядом с ним.

– Да, я виноват, – согласился Митька, – хотел подождать, когда оно в воду плюхнет. Вы, наверное, каждый день смотреть ходите?

Наконец все уселись за стол и переглянулись. Никто, конечно же, так не делал. За год море за окном стало обыденностью. Красивые закаты и рассветы по умолчанию не замечались. Перестал цениться чистый воздух, уединение. Быстро привыкли к тому, что продукты нужно закупать на неделю вперёд, потому что магазин находится в соседнем посёлке, а молоко нельзя оставлять на столе – скисает. Мелочи, приятные и не очень, за год, будто попав в блендер, превратились в безвкусный коктейль без цвета и запаха. Митька со своими горящими глазами заставил их заново взглянуть на то, что у них есть.

– Ба, ты видела, какое тут море? Оно такое же, как и в то лето? Всё так же? – спросил Митька.

– Ещё не успела, – ответила Вероника Львовна, – окунусь после ужина, вода тёплая?

– Вода – чудо как хороша, – восхищался Митька, – синяя, а наберёшь в ладошки – и становится прозрачной, представляешь? И можно делать разные фигуры из песка. Севка обещал научить строить замки. Весь берег – одна сплошная песочница, огромная и такая чистая. Здорово, да? У нас такого нет. Раньше не было песочницы, а потом как поставили одну во дворе – к ней не подойдёшь.

– Почему? – удивилась бабушка.

– Малыши облепили, – пояснил Митька. – Я как-то попытался, но чья-то мама выгнала меня, сказала, что я уже не маленький, грубиянка. Пошёл на качели, только сел, подошла

другая: «Уступи, маленький покачаться хочет». Почему как на раскопки ехать, так я маленький, а как на качелях качаться и из песка лепить, так большой? Несправедливо!

– Митька, если ты будешь говорить с набитым ртом, то подавишься, – сделала замечание Вероника Львовна, – пожалуйста, ешь аккуратнее, не заляпай вишней новую футболку.

Митька улыбнулся и отправил новую порцию в рот.

– Пальчики оближешь, – вставил Севка. – Повезло Митьке каждый день такую вкуснотищу лопать.

– Неужели я невкусно готовлю? – нахмурилась Марина Владимировна.

– Ой, мам, не обижайся, – сказал Севка как можно мягче, – готовишь ты лучше всех, чесслово. Но ведь я никогда не пробовал твоих вареников.

– Ох ты и подлиза! – ответила тётя, но уже с улыбкой.

– Севка, не завидуй, – как прожевал, сказал Митька, – такое только по праздникам. А так – и щи с капустой ем, и морковь. Бо-орщ... Жалко, что тут нет торговцев с варёной кукурузой. Мама рассказывала, как они ходят и кричат: «Чурчхела, пахлава, пирожки горячие».

– Чурчхелу не обещаю, а кукуруза не проблема, – заговорил Севкин папа, – сварим её сами, хоть завтра, но, чур, не мусорить на пляже.

Мальчишки быстро расправились с ужином. Бабушка с тётей начали бесконечно скучную беседу о цветах и винограде.

– Пойдём, покажу тебе дом, – предложил Севка, – проведу экскурсию, расскажу правила.

– Разве тут можно потеряться? – пошутил Митька, хотелось лечь отдохнуть. – Не думал, что у вас есть правила.

– А у вас разве нет? Помнишь, нужно было закрывать дверцы стеклянного шкафа, не бегать после десяти, потому что соседи снизу будут ругаться. Не хочешь же ты всё лето простоять в углу? – Севка говорил так серьёзно, что Митька ему поверил. Его никогда не ставили в угол. *В углу? Ничего себе воспитание.*

– Шутка. Если мы сейчас по-тихому не смоемся, то придётся мыть посуду, – объяснил Севка.

– Убедил, показывай-рассказывай, – согласился Митька, посуды ему и дома хватало.

– Где кухня, ты уже знаешь, – начал Севка, – здесь правил немного: не забывать мыть посуду, когда твоя очередь, иначе нас съедят кусачие муравьи – ам-ам. Лучше не проверять, что будет, если не слушаться. Как я рад, что бабушка приехала: будет хозяйничать, и о готовке можно забыть.

– А я не умею готовить, – признался Митька.

– Везунчик! Мама частенько засиживается за проектом допоздна, иногда так есть хочется, что аж живот сводит. Не соврал, она вкусно готовит, но так редко. Не сидеть же голодным, поэтому я умею ставить чайник, варить макароны и жарить яичницу. – Севка был горд собой.

Мальчишки вышли из кухни и поднялись по лестнице

на второй этаж.

– Итак, идём дальше. Это мастерская, – произнёс Севка с придыханием, чувствуя себя гидом, а потом повторил: – Ма-стер-ска-я.

На двери висел Севкин портрет: нарисованный мальчишка улыбался, но глаза выдавали грусть. *Меня ещё никто ни разу не рисовал. Какой я со стороны?*

– Сюда, как и в спальню моих родителей, без стука нельзя, – предупредил Севка, – нет, не так: лучше и вовсе обходить стороной.

– Почему? Что там? – Митьке стало интересно, что же скрывается за закрытой дверью.

– Ничего особенного. Компьютер, краски, холсты и кисточки. Просто если спугнёшь музу – останешься без ужина или получишь «наряд по дому». «Раз уж у тебя много свободного времени и мало фантазии», – Севка пародировал тётю. – Однажды меня заставили позировать, представляешь? Мама решила, что раз я по ней соскучился, то она поупражняется. Сперва обрадовался, а потом – кошмар! Сидеть нужно несколько часов, да ещё на неудобной табуретке. Получилось красиво, конечно, но я бы не стал повторять. Лучше уж фотография. Щёлк – и готово!

– О, я люблю фотографировать... – Митька хотел рассказать про выставку, но Севка продолжил экскурсию:

– Итак, идём дальше. Здесь ванная. Мы ей пользуемся, когда погода портится, потому что для тёплых дней на улице

есть летний душ. Вода там – парное молоко.

– Парное молоко? Фу, гадости какие... с пенками ещё, небось? – скривился Митька.

– Да нет же, – ответил Севка, – нет там никакого молока, и пенок тем более. Выражение такое – «вода как парное молоко». Поначалу непривычно мыться на улице. Ты только представь: на тебя льёт дождь, тёплый и чистый. Хотя вряд ли у вас такие чистые дожди. Главное правило – не забывать выключать воду, как закончишь. У нас нет счётчиков, но мама постоянно говорит про какую-то засуху в Африке.

Они прошли чуть дальше, и Севка остановился.

– Так вот, спальня родителей, про неё я говорил. Ни-ни.

Брат чуть приоткрыл дверь. В спальне стояла большая кровать и шкаф-купе во всю стену, на окнах задернуты плотные тёмные шторы, комната тонула во мраке. Севка внутрь не заходил, а Митька и не стремился. Следующая комната была совсем рядом и практически не отличалась от спальни родителей.

– Это спальня для гостей, – рассказывал Севка. – Мама сказала, что сюда поселим бабушку.

– А меня? – спросил Митька.

– Не торопись! – ответил Севка.

На первый этаж мальчишки спустились по второй лестнице.

– Проходи, тут гостиная.

Здесь оказалось просторно и светло. Стены выкрашены

в песочно-персиковый, в углу – пианино, напротив стенки – большой кожаный диван.

– Тут пусто, но скоро появится телевизор, – прокомментировал Севка.

– Что тут нельзя? – спросил Митька, оглядываясь.

– Баловаться с инструментом и прикасаться к маминому сервизу. Он жуть какой дорогущий, – ответил Севка. – Пойдём дальше, почти добрались до главного.

Они вышли ещё к одной комнате, на двери которой красовался большой якорь.

– Моя! – Севка открыл дверь и воскликнул: – Добро пожаловать на борт!

Двухъярусная кровать стояла ровно посередине, из старой простыни сделан парус с рисунком: огромный корабль с мачтами и пиратами на нём. Вещей в комнате немного, точно она не до конца обжита, как и весь дом. Книжный шкаф с учебниками, детскими книгами и комиксами, шкаф-купе да небольшая парта с компьютером. На стене перед партой нарисован дельфин.

– Нравится? Тоже мама нарисовала, даже разрешила ей помочь. Она обозначила контуры, а я раскрашивал.

Митька бы не удивился, если б распахнулось окно и появилась фея Динь-Динь, а Севка оказался бы не обычным мальчишкой, а Питером Пенем.

– Еле уговорил купить мне двухъярусную, – сказал Севка.

– Для кого второй ярус? – Митьке хотелось, чтобы брат

сказал, что для него. Хотя как Севка мог ждать его, если он сам три дня назад не знал, что приедет?

– Мама говорила: «Зачем тебе такая громадина, простой будет достаточно». Как объяснишь девчонке, что обычная – она на то и обычная, а эта – та, что надо? Хорошо, что папа её не послушал, он-то понимает толк в кораблях. По вечерам рассказывает про них, я все названия выучил, – а потом добавил: – Ну, почти все.

– Тут часто проплывают корабли? – спросил Митька и тут же отвлёкся: – Ого, в твоё окно видно море!

– Да, мне повезло, – горделиво ответил Севка, – а кораблей у берега никогда не видел. Говорят, что раньше тут часто тонули судна, что-то вроде Бермудского треугольника, теперь стороной обходят нас и бухту. Но на самом деле здесь слишком мелко, можно идти и идти, и всё по грудь будет. – Севка сделал паузу и продолжил: – А ещё про кровать – иногда, кроме паруса, с обеих сторон вешаю по простыне – и как в самой настоящей каюте. Устроюсь с книжкой в своём маленьком мире. Ради такого пришлось пообещать хорошо учиться. Старался, старался, но алгебра, блин, зараза.

– Не положено тебе гостей, при таких-то оценках, – шутливо проворчала Марина Владимировна, которая слышала разговор мальчишек, – но не наказывать же отличника за твою успеваемость. Глядишь, и окажет на тебя положительное влияние, подтянет. Хотя в последнее я не особо верю и отложила деньги на репетитора. На самого строгого ре-

петитора.

– Мамочка, обещаю, что в следующем году – обязательно! Чесслово! – сказал Севка и сам искренне в это верил.

– Ты так говоришь каждый год, а тройки и, как раньше говорили, «лебеди» частенько плавают в незаполненном дневнике.

– Разве я виноват, что Вера Александровна каждый год собирается и никак не уходит? – Севка театрально схватился за сердце и запричитал: – «Что же вы со мной делаете, до инфаркта доведёте, а я ещё пожить хочу! У меня ведь свои дети, внуки!»

– Не паясничай, одного актёра хватит в этой семье. Ничего смешного, между прочим. Вера Александровна в вас душу вкладывает, знания, а вы шалите. Кто в прошлый раз лазерной указкой светил в глаза Лобачевскому и Ковалевской и кричал, что «вампиры среди нас», «математика нас погубит»? Разве красиво?

Митька давился от смеха, но как-то смог удержаться и не засмеяться во весь голос.

– Было дело, – легко сознался Севка, – но справедливости ради кричал не я, а Никитин. Я светил, но ведь указку у папы нашёл – значит, и он тоже.

– Он не тоже, – сказала тётя. – Указку для кота купили, чтобы играть с ним. А то Рыжик растолстел и со стула сам спрыгнуть не может. Вы, кстати, не видели кота? Ладно, убери со стола, вымой посуду, и, считай, забыли.

Севка пробубнил что-то под нос про то, чья сегодня очередь, но поплёлся на кухню, Митька за ним, хотел помочь брату, но скоро понял, что лучше не мешаться под ногами, и сел обратно за стол.

– У вас так хорошо. Тебе здесь нравится? – спросил Митька.

Севка задумался и погрузился. *Не расслышал? Может, вода громко шумит?*

– Думаешь, меня кто-нибудь спрашивал? – ответил Севка. – Как врачи сказали «надо», так родители собрали вещи, сдали квартиру в Питере, и вот мы здесь. Мама говорит, что дом купили почти даром. Она с самого детства о нём мечтала, ты же слышал, они с твоей мамой бывали здесь, ещё детьми. А в Питере у меня друзья остались, переписываемся иногда. Звонить дорого, да и хорошо ловит только на станции. Про интернет вообще молчу: есть только в школьной библиотеке. Так тормозит, долго там не просидишь. Мониторы старые, большие и пузатые.

– Думал, что таких уж давно нет, – удивился Митька.

– И я думал, – вздохнул Севка. – Сюда пока интернет не могут провести, провайдер сказал, нет технической возможности. Мы как на необитаемом острове. Жителей – всего ничего. До города по трассе километров сорок, не меньше.

– Но письма-то доходят?

– Да. Только раньше друзья часто писали, а чем дальше, тем реже. Я-то стараюсь отвечать сразу, а потом жду-жду.

Им там некогда, это здесь время медленно тянется. Может, и правда – в разных местах время идёт по-разному? – спросил Севка с надеждой, что дело действительно в этом.

– Хочешь обратно? – посочувствовал Митька; он знал, что такое не иметь друзей.

– Не знаю, – ответил Севка и задумался. – На самом деле нет. Хотя поначалу очень хотелось. Здесь чувствую себя лучше, а там постоянно по больницам ездили. Сам понимаешь, мало весёлого, когда с мальчишками минуту назад в салки играл, и вот – задыхаюсь. Ладно, когда кто-то рядом, а иногда не могу ингалятор достать из кармана, занервничаю так, что руки не слушаются. Согласись, на нормальную жизнь мало похоже.

Митька молчал, ему только недавно рассказали по Севкину астму. Вспомнил, что мама и его к врачу водила. Проверяли что-то, лёгкие слушали. Боялись, что у него тоже, – наследственное? Или что наслушается про брата и повторять начнёт, чтоб на море уехать? Митька почему-то расстроился, что такое от него скрыли, – не доверяют. Севка молчание расценил по-своему и продолжил:

– Новых друзей тут завёл, да все разъехались на каникулы. Не знаю, успею ли вас познакомить. А так – тепло, море, корабли. Мама с папой не ссорятся, потому что я не болею. По бабушке соскучился, она в Питер звонила раз в неделю, а сейчас раз в месяц. По тебе, ты совсем не звонишь, не пишешь, – последнее Севка произнёс с укором.

Митьке стало стыдно. Он почувствовал укус, хлопнул по руке, а когда убрал, комара не было.

– Мне тут нравится, только комары у вас больно кусачие. – Укус чесался, но если расчесать, зудеть будет ещё сильнее.

– Комары? – задумчиво спросил Севка. – Не люблю комаров. – Поставил в шкаф последнюю тарелку. – Ну что, спать?

Кровать поделили легко: Митька много ворочался, и Севка занял верхний ярус. Сон, который одолевал полчаса назад, теперь не шёл. Слышны были какие-то непривычные звуки – не такие, как дома или у бабушки.

– Севка, ты спишь? – прошептал Митька.

– Нет, а что? – Брат свесился головой вниз.

– Да так, ничего, спокойной ночи. – Митька повернулся на другой бок и вздохнул.

Севка спустился и сел с краю.

– Говори давай, что такое? Любопытно ведь, – настойчиво попросил брат.

– Да глупости, – ответил Митька, – просто спросить хотел: твоя мама – она какая? Такая же, как моя?

Севка молчал, он никогда об этом не думал.

– Разве что внешне... – начал брат нерешительно. – Имею в виду черты лица. Они всё-таки погодки. Твоя археолог, а моя художница, ещё и одевается вон как смешно. Некоторые в школе до сих пор считают, что она моя сестра, а не мама. А когда узнают, то говорят: «Вау, какая классная! Вы, наверное, с ней хорошо дружите?» Но мама мне не сестра

и не подружка. Иногда мне кажется, что дома свои любит больше, чем меня.

– Твои родители хотя бы всегда рядом, моих никогда не бывает дома, живу у бабушки. Второй год с собой взять обещают. Нет, я не жалуясь, хорошо, что мы к вам приехали. Но скучаю по ним очень.

– Думаешь, хорошо, когда так, как у меня? – спросил Севка. – Запрётся в своей мастерской, не видимся целыми днями, только за ужином. Вечером спустится уставшая, витает где-то в облаках. Спросит про оценки, даст задание прибраться да помыть посуду, вот и всё общение.

– А папа? – спросил Митька.

– Папа днём в городе, – ответил Севка, – когда собираемся за столом, он о своей работе рассказывает. Про каких-то людей, которых я ни разу не видел, про курс доллара и кризисы. Мама тоже не особо слушает, но делает вид, кивает. О том, что у меня нового, никто не спрашивает. Они любят меня и заботятся, но мне их тоже иногда не хватает. Забота копится-копится и обрушивается в виде наказаний или ограничений, понимаешь? Один раз, когда мы ещё в Питере жили, мама по телефону с бабушкой разговаривала, думала, что не слышу. Врач ей сказал, что астма у меня не физиологического, а психологического характера. Слово там сложное, я не запомнил, но суть ты понял.

– Нет, как это? – спросил Митька.

– А вот так. Вроде как любви мне не хватает, избалован-

ный эгоист, и, чтобы всё внимание только мне уделялось, выдумываю себе болячки всякие, притворяюсь.

– Да разве можно такое выдумать? – удивился Митька.

– Оказывается, можно. Можно даже посинеть и умереть, если поверишь, – ответил Севка. – Только ошибается врач, ничего я не выдумываю. Здесь ещё ни разу со мной такого не случилось. Хоть внимания даже меньше стало. Ладно, давай спать, Митька. Не надо на ночь о грустном, а то не уснём же.

Я был бы счастлив, если б мог видеть их хотя бы за ужином.

Севка забрался к себе наверх и замолчал, а через несколько минут засопел. Митька немного поворочался и сдался. Подошёл к открытому настежь окну, привычно сел на подоконник. Дом находился так близко к морю, Митьке нравилось, что слышно, как шумят волны. Так спокойно: ни шуршащих машин, ни гудков, ни сирен скорой помощи или раскатистого смеха загулявших допоздна подростков. Посёлок на отшибе, далеко от туристических мест и больших городов. Севка рассказывал, что сюда приезжают те, кто устал от цивилизации. Митька не мог понять, как можно устать от людей, если они хорошие. Сам он всегда скучал по тёплым беседам. Книжка книжкой, но разве она заменит реального друга?

Ночи здесь ещё лучше, чем дни. Звёзды такие большие, яркие. У Митьки в городе звёзды – как маленькие плевоч-

ки, и солнце садилось совсем не так – медленно скатывалось за горизонт, погружая город в сумерки. Митька никак не мог уснуть, ещё покачивало от долгой поездки. Всё пытался надышаться невероятным воздухом, насмотреться – и на рас свете, когда сморила усталость, упал на нижний ярус «корабля».

Песочные замки

Первые две недели пролетели незаметно. Митька с Севкой болтали почти до утра, а с рассветом бежали к морю. Купаться прохладно, а строить замки – самое то. У Севки получалось лучше, чем у Митьки, башенки выше, сами строения ровнее и устойчивее. Севка делал какие-то тайные ходы, подкопы и укрепления. Вокруг замка стояла ограда, а за оградой лес. Митька смотрел и восхищался: такой красоты из песка он не видал. В замке не хватало жизни, поэтому брат принёс из дома игрушки из киндер-сюрприза: старые, слегка потёртые бегемотики, льята да пингвины. Кого-то определили в дозорные, другие обитали внутри крепости. В подземные ходы никого не отпустил, вдруг забудет?

– Откуда у тебя такие? – спросил Митька.

Митьке перестали покупать сладости с шоколадом, после того как запретил врач: «Накопительная аллергия». Он и не расстраивался, главное, чтоб вареники не запрещали. Киндеры Митька любил, бабушке шоколад – ему игрушка. Но частенько попадалась какая-то ерунда: то маленький кривой пазл, то лупа с мутным стеклом вместо увеличительно-

го. Разве можно их сравнивать? Сплошное надувательство.

– Пузатики не мои – мамины, – ответил Севка. – Дома большая коллекция, всё наперечёт, выдали те, что в двойном экземпляре, а то потеряю. Это уж я умею.

– Замки у тебя хорошо получаются, вон какие классные, а мои – жуть. – Митька смотрел на покосившегося уродца, от которого отпал большой кусок, и вздохнул.

– Опыт, – ответил Севка. – Всё прошлое лето один провёл и строил, тренировался. Смывает волной – и снова строю. Иногда фотографирую их, но получается не очень. Не знаю, в чём дело: солнце не так светит или фотоаппарат так себе.

– Когда фотографируешь, надо ловить момент, у меня иногда... – Митька снова хотел рассказать про выставку, но не успел.

– Ты уделяешь мало внимания основанию, – перебил Севка, – торопишься, поэтому потом что-то откалывается, рассыпается. Попробуй площадку выровнять, утоптать. Не торопись, смотри, как я делаю, и повторяй. Всё получится.

Митька не успел приступить, как увидел худенького лопухого мальчишку в клетчатой рубашке, тот шёл по кромке воды, босой, а в руках держал сандалии. Идёт-бредёт, не поднимая головы, всё под ноги себе смотрит.

– О, да это опять Луша из нашей школы, что за человек такой, – скривился Севка, – всегда не вовремя появляется. Главное, чтоб на замок не наступил.

– Какое забавное имя – Луша, – заметил Митька.

– Настоящее у него – Павел, – пояснил Севка, – но как-то раз позвонил ему одноклассник, тот самый Никитин. Хотел позвать мячик погонять, мы иногда играем в футбол возле школы, а трубку взяла мама.

– И что потом? – От упоминаний о чьей-то маме Митька загрустил. Прошло две недели, а его мама так и не позвонила.

– «А Павлуши нет дома, он с бабушкой на рынок поехал, в город», – Севка снова подражал женскому голосу, вышло забавно. – И, видимо, так смешно она сказала, что Никитин потом неделю ходил за ним и подтрунивал: «Павлуша, а Павлуша». Тот не выдержал и кулаком пригрозил. Драться, конечно, никто б с ним не стал, слишком хиленький. Но после этого Никитин перестал его дразнить. Как-то само собой потом преобразовалось в Лушу. Вроде необычно, но и не обидно вовсе. «Луша» ему понравилось, и больше отношения они не выясняли.

– Луша, аккуратнее! – крикнул Севка, когда мальчишка подошёл почти вплотную к замку. Он остановился, поднял голову и огляделся. Взгляд из-за толстых диоптрий такой растерянный, точно мальчишка не знает, где он и как здесь очутился. Митьке стало неловко – не обязательно так кричать. Севка попросил мягче:

– Обойди, пожалуйста. Не наступай.

– Отлично получается, – робко прокомментировал Луша. Он, медленно обогнув, прошёл мимо ребят. Снова прибли-

зился к кромке, привычно согнувшись под невидимой ношей, побрёл дальше.

– А Луша этот... – Митька замолчал, подбирая слова.

– Что? – Севка не понимал, откуда у брата столько интереса к лопухому.

– Нормальный? – спросил Митька.

– В смысле? – Севка перестал строить и внимательно посмотрел на Митьку, прищурился.

– Каждый день тут один гуляет, скучно, наверное. Может, позвать его с нами? Если не задира, – предложил Митька.

Севка нахмурился, хотел было обидеться, что Митьке ещё один друг понадобился. Но Лушу действительно жалко. С кем ему общаться? Вспомнил, как сам прошлое лето всё один да один. В школе не общались, но и ничего плохого он ему не делал, да и замок оценил.

– Луша! – крикнул Севка.

Издали видно, как тот напрягся, готовый бежать. Но не стал, остановился и покорно обернулся. Что ему делать? Севка вроде никогда его не обижал, но кто знает? К нему брат приехал. А если захочет перед ним силу показать, отыгаться на нём? Тут как с Никитиным не получится, Севка-то вон какой высокий. Но не хотелось думать о том, что драка намечается, вдруг обойдётся? Севка подбежал по хрустящему песку и встал перед ним. Что сказать? «Давай дружить?» Вроде не в детском саду, да и знакомы почти год.

– Да-а? – протянул Луша и указательным пальцем поправил съехавшие очки.

– Умеешь строить замки из песка? – спросил Севка.

Луша отрицательно покачал головой.

– Пойдём, мы тебя научим, – позвал Севка и, подумав, добавил: – Если хочешь, конечно.

Весь день Митька, Севка и Луша лепили новый замок. Луша недоверчиво поглядывал на братьев, боясь сказать лишнее, сделать что-то не так. Боялся разрушить то хрупкое, что получалось сейчас, довериться и разочароваться в забавных мальчишках.

– Ребят, смотрите внимательно, я по сто раз показывать не буду, – назидательно сказал Севка, который гордился собой, – хочу построить сегодня самый большой, сделаем фото и поставим в рамочку.

– Я стараюсь. – Луша постоянно поправлял очки, которые так и норовили упасть. Когда он пытался сделать что-то аккуратно, то невольно высовывал кончик языка. В школе его дразнили за это, но сейчас он расслабился и забылся. А когда вспомнил – огляделся по сторонам: «Видели? Будут ли смеяться?» Но Севка и Митька были заняты главной башней, которая стояла ровно посередине.

– Луша, а ты давно здесь живешь? – спросил Митька, когда решил передохнуть и размяться.

– Нет, года два, как переехали. Дом бабушкин, она старенькая была, ухаживали за ней, помогали по дому. Мама

сказала, что так мы сможем сэкономить, раз не нужно пуховик покупать, – Луша хихикнул.

Братья не знали, как реагировать, потому что не поняли, шутка ли это.

– О, тут так тепло зимой? – спросил Митька.

– Не так, как хотелось бы, но теплее, чем в Питере, – вставил Севка, – и уж точно теплее, чем у вас.

Солнце стояло в зените, но мальчишки не чувствовали, как нещадно оно палило. Митька бегал к морю за водой и поддавался соблазну, окунался, после чего снова возвращался к стройке. Пара часов, несколько ведёрок воды, и готово. Митька отошёл подальше и посмотрел на их творение. Часть, которую строил Севка, намного лучше той, что построили они с Лушей. Но всё равно – выглядело внушительно.

– Какой большой получился. Башенки такие высокие, класс! – Митька подумал, что если бы сейчас проводили конкурс на лучший замок из песка, то они б обязательно взяли призовое место.

– Знаете, не думал, что у нас получится, но, оказывается, так здорово строить вместе, – признался Севка.

– Теперь не похоже на песочницу для малышей. Настоящее искусство, – сказал Митька.

Луша был рад, что у него с первого раза вышло неплохо, но больше тому, что его взяли в команду.

– Чуть не забыл, мы ж хотели сохранить на память. Пойду

сбегаю за фотоаппаратом, – предложил Митька.

– Если честно, я проголодался, – сказал Севка.

– Я тоже, – поддержал Луша.

– Пойдёшь к нам обедать? – спросил Митька, он знал, что бабушка будет не против.

– А можно? – Луша посмотрел на Севку, ждал разрешения.

Севка сказал, что, конечно, можно, и они наперегонки побежали к дому. Им бы только обернуться назад, задержаться или вернуться пораньше. Но всё случилось так, как и должно было.

После сытного обеда мальчишки возвращались к морю – счастливые, беззаботные.

– Митька, ты вставил плёнку? – спросил Луша.

– Луш, тут нет плёнки, вместо неё – карта памяти. Самое главное – настройки правильно выставить, – Митька несколько минут колдовал над фотоаппаратом, пристреливался, – а потом остаётся лишь нажать на кнопку.

– Ой, я, наверное, не смогу запомнить. Мудрёно, – ответил Луша. – У тебя так легко получается.

– Для тех, кто не может запомнить, есть автоматический режим, – подтрунивал Севка, но хорошо так, по-доброму, – правда, как у Митьки тогда не получится. Ты, кстати, знал, что Митька в фотоконкурсе участвовал?

– Знаю, конечно, ты же весь класс попросил проголосовать, – ответил Луша, – проголосовал, правда-правда. Фо-

то мне действительно понравилось, захотелось посмотреть на ту Дорогу. Я, после того как её увидел, частенько ходил на станцию поезда встречать.

– Се-евка... – протянул Митька. Неловко, что за него просили, да ещё и целый класс. Но тут же стало тепло на душе. Оказывается, Севка знал про конкурс и даже пытался ему помочь.

– Что – Севка? – отозвался мальчишка, довольно улыбаясь. – Мне хотелось сделать приятное. Похвастался, какой у меня крутой брат. Ты должен был выиграть. Чёрт...

– Что такое? – Митька витал в своих мыслях и не понял, почему Севка ругается.

– Как что? Замка нет! – Севка со злости пнул песок.

– Где же он? – Луша поправил очки и начал осматриваться.

– Мы точно тут строили? Может, где-то поблизости? – спросил Митька, оглядываясь по сторонам. Замок слишком большой, чтобы так легко его потерять.

– Да нет же... Я помню, что здесь, – раздражённо отвечал Севка.

– Прибой? – предположил Луша, хоть сам понимал, что маловероятно.

– Какой прибой? Всё сухое! – Севка боялся, что сейчас сорвётся на ком-нибудь из мальчишек.

– Ладно хоть киндеры с собой забрали, – сказал Митька, ему хотелось найти что-то хорошее, чтобы подбодрить бра-

та. Все замолчали. Луша на всякий случай прошёлся по берегу, но ничего не нашёл. Севка помрачнел и ничего не хотел искать.

– Не расстраивайся, завтра новый построим, – подбадривал Митька. – Там и сделаем снимок, я фотоаппарат сразу с собой возьму.

– Четыре часа коту под хвост, – возмутился Севка. – Получается, что мы напрасно старались? Да и не в этом дело! Думаете, первый раз такое? Я не понимаю, кому это надо. Конечно, оно и так недолговечно, но зачем рушить то, что природа и так сама разберёт по песчинкам?

– Есть у меня одна идея, как узнать, кто балуется, – начал Луша. – Значит, так: завтра делаем замок, как получится, и уходим...

– И?

– Не перебивай, Севка, некрасиво, – попросил Митька. – Луша, продолжай.

– Замок делают двое, а третий сидит в засаде, – рассказывал Луша. – Строители уходят, делая вид, что работа закончена, а третий подсмотрит, кто же наш таинственный разрушитель. И – вуаля!

– О, ты здорово придумал. У меня на такой случай даже рация есть, – обрадовался Севка.

– А у меня бинокль! – откликнулся Луша.

Следующим утром они разделились. Севка и Луша пошли прямо к морю, на обычное место. Митька ушёл вправо, взо-

брался на холм и поглядывал то в бинокль, то поверх него. Засада была готова, до отмашки всего полчаса. Чувствовал себя полицейским, которому нужно вычислить преступника. Рация лежала рядом и ждала своего часа.

Мальчишки строили очередной замок. Не так старательно, как обычно, но хорошо создавали видимость. Митька осмотрелся: слева «дом-пироженка», справа ребята, а прямо за дюной спрятался неприметный одноэтажный дом. Он был с большой открытой верандой, на которой в кресле-качалке сидела девчонка. Длинные каштановые волосы собраны в высокий хвост, на пухлых щеках румянец. Она то натягивала на колени белую бесформенную футболку, то откидывалась назад, поглядывая на море. Забавно сдувала прядь со лба. Рядом с ней стоял кувшин с лимонадом, который она, задумавшись, пролила мимо стакана. Повернувшись к блокноту, что-то увлечённо писала, а потом снова бросала взгляд в сторону мальчишек. Наблюдая за девчонкой, которая заняла все его мысли, Митька забыл, что должен следить за всем, что происходит вокруг. Оговорённое время вышло, мальчишки, оставив приманку, скрылись за барханом, а Митька оставался на стрёме. Заработала рация. *Почему мы не встречали её раньше? Это она ломает замки? Какая же она необычная. Что она пишет? Как её зовут?*

– Митька, мы закончили. Теперь твоя очередь, приём. – Голос брата слегка потрескивал.

Митька посмотрел в бинокль, огляделся по сторонам,

но больше никого. Взгляд вернулся к дому напротив, но и там пусто. Нашёл девчонку: та шла к морю. Митька ничего не ответил и побежал к ней. Он должен был позвать мальчишек обратно, но не стал. Хотел поговорить с ней первым. Незнакомка побежала к морю, не на замок. Но он чем-то привлёк её, и она остановилась. Посмотрела внимательно и нахмурилась, точно он ей не понравился, – впрочем, и не должен был.

– Что ты тут делаешь? – грозно спросил Севка, который поспешил вернуться, не дожидаясь сигнала от Митьки.

– Ничего, шла купаться. – Девчонка нахмурилась сильнее, так что на лбу залегли морщинки.

– Почему здесь? – допытывался Севка.

Митька подбежал и теперь пытался отдышаться, Луша стоял молча.

– Потому что здесь море, – объяснила она, – да и разве это ваш пляж? Никому не запрещено тут быть, не собираюсь отвечать на глупые вопросы.

Митька никак не мог оторвать от неё взгляда, с интересом разглядывая девчонку вблизи. Волосы на солнце блестели как золото, кожа бледная, почти белая, а глаза – изумруд или малахит, невероятная зелень.

– Не запрещено, – примирительно начал Луша, который был против любых конфликтов.

– Я тут рядом живу, с тётушкой. – Она махнула в сторону своего дома.

– Странно, потому что мы тебя тут раньше не видели. Зато кто-то ломает наши замки. Не знаешь, случаем, кто это может быть? – Севка сердился на себя, что не выждал, как положено, не дождался сигнала. Действительно, что предъ-
явить? Она ещё ничего не успела сделать, даже если намере-
валась.

– Делать мне больше нечего, – ответила незнакомка. – Один раз и правда запнулась, вчера, но не нарочно. – Кончи-
ки острых ушей покраснели: неловко сознаваться, но и врать не хотелось.

– Я же говорил! – воскликнул Севка.

– Но то было единожды, – напомнила девчонка, – так что и извиниться я должна один раз. Извините.

– Если хочешь, то можешь как-нибудь с нами попробовать построить. Мы тут почти каждый день, – смущаясь, предло-
жил Митька, а Севка на него неодобрительно цокнул.

– Знаю, мне вас с веранды хорошо видно, – и замолчала –
сболтнула лишнего, решат ещё, что специально за ними под-
глядывает, а не со скуки.

– Девчонкам тут не место, – твёрдо сказал Севка и пошёл в сторону дома.

– Севка, разве можно так говорить? – бросил ему вслед Митька.

Девчонка перестала улыбаться, расстроилась. Как боязли-
вая черепашка, которая, высунув голову из своего панциря, тут же получила щелчок.

– Не слушай его, мы просто тот замок сфотографировать хотели. Не обижайся, мой брат, он... хороший, – сказал Митька.

Севка остановился. Он понимал, что никто не собирается идти за ним, пришлось вернуться.

– Как тебя зовут? – спросил Митька.

– Тинка! – Ответила и теперь залилась краской как полагается, будто выдала сокровенное. Всё ещё смотрела исподлобья, ожидая нападения. Нервно заправила прядку за ухо.

– Звучит как иностранное. А полное как будет? – уточнил Луша.

– Тинка! – настойчиво повторила девчонка.

– Да ну, так не бывает, – засомневался Севка. – Не люблю, когда обманывают, сразу видно – девчонка.

– Валентина, – нехотя выдала Тинка и отвернулась.

– Валя, значит, – уточнил Луша и поправил очки, становясь похожим на кролика из «Винни Пуха».

– Не надо так, пожалуйста... – Сколько мольбы было в её голосе.

– Извини, Тинка так Тинка, – первым успокоил Луша, – не буду называть по-другому.

– Правда? – обрадовалась Тинка.

– Конечно. Я Митька. Полное имя Дмитрий Андреевич. Меня тоже иногда Димкой зовут, папа обычно. Мне не нравится, непривычно как-то. Дмитрием мама называет, когда я что-то не так делаю. «Дмитрий, иди сюда» – как услышу,

так понимаю: не к добру это.

– Дима нормально, не то что Валя. Фу, от этого имени пахнет нафталином. Как узнают, как меня зовут, то сразу «бабой Валеёй» дразнят. Думаете, приятно?

– Не думаем, у меня тоже непростое имя. Всеволод. Хотели, чтоб под стать папиному. Тяжёлое, будто тазом накрывает, чувствуете? Все-во-лод, – Севка медленно произнёс по слогам, – и ведь как меня только не называют: Володя, Вова, Вава, Всева. Ну ладно дурацкое «Всева», но «Володя» – то откуда взялось? Это ж совсем другое имя, не моё, понимаете? Севка – прям моё, чувствую.

– «Севка» – тёплое такое, как стог сена, да? – Тинке понравилось, что её поддержали.

– Я Павел, но зови меня Луша, я привык.

И вот уже никакой вражды и обид, до самого вечера только смех, разговоры, словно всю жизнь знакомы. Тинка часто заливалась краской, да и Митька смущался, когда она смотрела на него слишком долго, и так радовался, что они устроили засаду.

Клятва

После ужина Митька и Севка забрались на нижний ярус, занавесились простынёй, включили фонарик и принялись рассматривать комикс. Так почему-то интересней, хоть Севкина мама и ругалась: «Испортите зрение, поросята». Но это будет когда-нибудь, а сейчас – ночь, в которой есть что-то волшебное: новый комикс, и разговоры по душам – они тоже

сейчас. Да и разве надолго? Месяца два, максимум три, если повезёт.

– Знаешь, не нравится мне, что мы должны дружить с этой ВалеЙ, – начал Севка.

– Тинкой, – поправил Митька.

– Какая разница. Девчонки – они такие девчонки. – Севка больше не напоминал Питера Пена, а походил на Динь-Динь, которая так злилась на появление Венди.

– Чем плохи девчонки? – Митьку забавляло, что брат злится, и решил его подразнить.

– Из-за них же все неприятности, сам подумай, – ответил Севка и ждал реакции, а Митька никак не мог понять, чего от него хотят. Пожал плечами – что тут думать? И какие беды от девчонки, тем более такой трусливой?

– Такие проблемы только у взрослых. Тем более никто не собирается в неё влюбляться и драться за неё, – пошутил Митька, а Севка не отвечал. – Или собирается? Ты что, влюбился?

– Вот ещё, глупости, – слишком поспешно ответил брат. – Глупости, которые могли прийти в голову только такому малышу, как ты. Мы сейчас вместе, втроём, как три мушкетёра. Не хочу, чтобы из-за неё что-то пошло не так.

– Да что может пойти не так? Тинка ведёт себя как мальчишка. Когда упала, не заплакала. Видел, как она коленку расцарапала? Ты с ней так грубо разговаривал – стойко выдержала, дала отпор. Не убежала жаловаться, не захныкала.

А могла бы, видел бы ты себя, когда злишься. Ух, то ещё зрелище!

– Ладно, тут соглашусь. Но пойдём мы, например, к маяку или на пирс... – начал Севка.

– И что? – перебил Митька.

– А она маме расскажет, что мы далеко ушли! Сдаст нас! – сочинял Севка.

– Не выдумывай, – отмахнулся Митька. – Мы пообещали, что будем с ней общаться. Но если попробует нас рассорить, то перестанем, не позволим ей это сделать, и всё. А сейчас давай лучше комикс читать.

Митька перевернул страницу и начал рассматривать супергероев.

– Эх, и мне бы силу, – сказал Митька, – например, оставливать время. Представляешь – время замерло, никто не стареет, но никто и не замораживается, мир живёт, и всё как прежде, а захотел – и снова пошло.

– Ты ведь никогда не променяешь меня на неё? – никак не унимался Севка.

– Тебя на способность? – уточнил Митька.

– На Тинку! – обиделся Севка, и Митька опешил, недоумение сменилось раздражением.

– Что за глупый вопрос? Ты мой брат, а её и не знаю толком. Не понимаю, чего ты волнуешься? Будешь так кричать – Марину Владимировну разбудишь или, хуже того, бабушку.

– Пообещай мне, – настойчиво прошипел Севка.

– Клянусь... – пообещал Митька, но нехотя.

– Так, чтобы я видел твои руки! – почти приказал брат.

– Это ещё зачем? – Митька с трудом понимал, что сейчас происходит.

– Вдруг ты там пальцы скрестил?

– А на ногах считается? – шутя спросил Митька.

– Ну и дурак же ты! – обиделся Севка. – Поклянись, а то поспоримся.

– Да глупости это всё, но если тебе так легче, то пожалуйста. – Митька протянул к брату обе руки и серьёзно сказал: – Клянусь, что не променяю дружбу брата на девчонку. Так пойдёт?

Севке такой клятвы оказалось вполне достаточно.

– Что-то устал. Пойду-ка я спать. – Брат выбрался из «каюты» и полез на свой второй ярус.

– Как знаешь, – ответил Митька и остался с книжкой один, но читать уже расхотелось.

Костёр

Вопреки Севкиным опасениям, Тинка хорошо влилась в их компанию. Она ничем особо не отличалась от мальчишек, разве что была чуть выше их, из-за чего казалась старше своих тринадцати. Девчонка так же старательно лепила из песка, вместе они построили замок ещё лучше прежнего – Тинка пустила понизу красивый орнамент из ракушек. Митька смог поймать момент и сфотографировать замок так, что Севка остался доволен и вроде как перестал

злиться, но относился прохладно и настороженно, ожидая подвоха. Она не капризничала, была тихой и почти не смеялась. Когда же наконец что-то могло её рассмешить – заливалась громко, звонко и до слёз. Тинка постоянно носила с собой блокнот и что-то записывала, пока мальчишки купались, но никто не спрашивал, что она пишет. Думали, что, как и все девчонки, ведёт дневник.

Через неделю ребята впервые собрались после заката. Севка попросил отца развести костёр на пляже, и тот подошёл со всей ответственностью – принёс с работы деревянные паллеты, которые превратились в удобные кресла. Сверху накидали подушек, для каждого нашёлся плед. Дядя сделал основательное кострище из больших и маленьких камней и сам развёл огонь, получилось уютно. Выпросил Севка не просто так – ему хотелось начать рассказывать страшилки, но так, чтобы обязательно у костра. Тётя поначалу была против, но Севка убедил её, пообещав взять на себя посуду на неделю. Конечно, никто не стал заставлять его, но порыв был настолько благородным, что решили поощрить. Тем более Марине Владимировне нравилось, что сын всегда рядом. Вечером выгляни в окно – он как на ладони.

Решили жарить сосиски, но шампуров не нашлось, и пришлось сделать их из длинных тонких веток. Заранее отварили ароматную кукурузу. Принесли с собой в одном термосе чай, в другом какао. Каждый захватил свою любимую кружку, устроились по-домашнему.

Если б папа был здесь, он бы нам спел.

Митька решил отвлечься от грустных мыслей и взял фотоаппарат. Он смотрел на море, звёздное небо, на огонь. Лица ребят озарены теплом и светом, в глазах каждого зажглись искры, пусть всего лишь от обычного костра. Один из тех моментов, что нельзя поймать на плёнку, передать, отразить, как всё на самом деле, насколько здесь хорошо. Тогда Митька решил, что нужно снимать песочные замки и высокие волны, но не волшебство атмосферы, он отложил фотоаппарат и сел со всеми. Тинка протянула ему «шампур» с сосиской.

– Держи аккуратнее. Если слишком близко поднести её к огню – быстро сгорит, – На секунду показалось, что и не Тинка вовсе, голос был совсем не детский, столько было в нём теплоты и заботы.

– Итак, кто начнёт первым? – Сам Севка не знал никаких историй и надеялся, что расскажет кто-то другой.

– Если честно, не знаю страшных историй, – признался Митька.

– Я тоже, – поддержал его Луша.

– Ну вот, начинается. – Севка расстроено надул губы.

– Обязательно страшные? – уточнила Тинка. – Думала, что мы будем рассказывать, что придёт в голову. Разное.

– «Разное», – передразнил Севка, – можно рассказывать и при свете дня. А я ради атмосферы костёр выпросил, неделю пообещал посуду мыть. Папа старался, а вы...

– Я сказку подготовила... – Тинка перестала жевать со-

сиску и загрустила, настроение отчаянно портилось.

Девчонка держала в руках блокнотик, настроилась и теперь не знала, что ей делать.

– Я не против сказки, – первым отреагировал Митька.

– Я тоже, – подхватил Луша.

– Хорошо. – Севка подумал, что сказка лучше, чем ничего, и дал отмашку: – Начинай.

– Представьте себе, что когда-то давно-давным, – начала Тинка и поняла, что оговорилась, – простите, давным-давным...

Она засмушалась, напряглась, ожидая, что кто-нибудь засмеётся, но мальчишки молчали. Ошиблась, сделала то, чего так боялась, но ничего страшного не произошло. Глубокий вдох и продолжила:

– Представьте себе, что когда-то давным-давно в одном далёком королевстве Золотых Корон, где жили коварные короли, постоянно воевавшие за трон, и храбрые рыцари, что пытались завоевать сердца красавиц и победить злых драконов, появился на свет необычный дракончик. В отличие от братьев, он был не зелёного, а лимонного цвета и не хотел красть принцесс и есть мирных жителей, ему нравилось выращивать чайные розы и хризантемы. Особенно такого же цвета, как он сам, – весь его садик был как солнышко. Каждое лето, когда цветы распускались, рассаживал их по горшочкам и раздаривал детям, старикам и тем, кто его не обижал.

Его братья не понимали: зачем дружить с людьми? А пачкать когти в саду – не дело для настоящего дракона. Они отвергли его и перестали считать семьёй. Были люди, которые никак не могли поверить в его доброту, обходили стороной, распускали слухи, что цветы прокляты и приносят несчастья. Дракончик переживал, чувствовал себя таким одиноким. Заметив, что он говорит с цветами, его в конце концов сочли сумасшедшим.

Шло время, лимонно-жёлтый малыш вырос в большого дракона и, как водится, влюбился в принцессу. Прилетал к её балкону каждое утро и дарил букет, заботливо украшенный звёздной пылью. Она благосклонно принимала подарки и ждала, когда же он решит её выкрасть. Но не потому, что ей нравился Лимоша, а потому, что тогда её придёт спасать прекрасный принц Ричард. Сердце красавицы принадлежало нарциссу, чьё сердце в свою очередь принадлежало только ему.

– Какая-то грустная сказка! – вставил Луша.

– Тише, я хочу узнать, что было дальше с Лимошей! Тинка рассказывай! – подбодрил Митька.

– Однажды Лимоша, в очередной раз получив отказ, полетел туда, где можно смотреть на мягкие ватные облака, трогать их лапой. Волны бились о скалы, шум прибоя успокаивал его. Люди не могли сюда добраться и обидеть, братья не знали об укромном местечке. Но когда он прилетел, место было уже занято – на самом краю сидела девочка-дракончик

розового цвета. Поначалу Лимоша расстроился, но она ему улыбнулась. Он узнал, что её зовут Белла и ей тоже одиноко, а ещё она давно издали любит его садиком, а сама разводит розовые розы.

– И что? Что потом? – Севка забыл, что хотел казаться взрослым и не поддаваться на всякие там сказки, но не терпелось узнать, чем же всё закончится.

– Как в любой другой сказке, жили долго, не всегда всё складывалось идеально, но мне бы хотелось думать, что они были счастливы, – ответила Тинка.

– Сама придумала или прочитала где-то? – спросил Севка.

– Сама. – Тинка отложила блокнот в сторону и потянулась за кружкой. Эйфория от чтения собственного произведения сменялась страхом: понравилось ли?

– Мне понравилось, – было неловко, но Севка признался, – прям представил Лимошу, мне стало жаль его.

– Есть ещё что-нибудь? – поинтересовался Митька.

На самом деле он хотел сказать, что у неё красивый голос и он бы слушал и слушал, но постеснялся.

– Я не привезла с собой, – Тинка довольно заулыбалась, – но могу попробовать придумать что-то здесь, как придумала про Лимошу, хотите?

С того дня и понеслась череда бесконечно весёлых дней, вечерних посиделок у костра, Тинкиных рассказов, замков. Митькина тоска растворилась в солёном море и тёплой дружбе. Казалось.

Тоска

В один из дней тоска вернулась, накатила как волна и поглотила Митьку целиком. Такая жуткая, что хоть волком вой. Сам не понимал, откуда она взялась, но играть с ребятами не хотелось. Сославшись на головную боль, ушёл в дом. Митька зашёл на кухню и увидел, что бабушка лепит вареники. Волосы забраны под косынку – так всегда, когда она долго готовит.

– Кушать будешь? Накладывай, одна порция готова. Сейчас ещё на завтра налеплю. Может быть, с творогом сделать или с капустой в этот раз? – предложила бабушка.

– Фу, с капустой. Не люблю капусту, – заупрямился Митька.

– Она полезная, творог тоже. В нём кальций. Нельзя же постоянно только тесто с вишней лопать. – Вероника Львовна говорила серьёзно, но улыбалась.

– А если очень хочется? – Митьке нравилось стоять на своём, он знал, что если бабушка в хорошем настроении, то обязательно сдастся.

– Ладно, горе луковое, – бабушка шумно вздохнула, Митька сразу понял – играет и не скрывает, – сделаю ещё таких, но в следующий раз – обязательно с творогом.

– Бабушка, а мама меня любит? – Мальчишка смотрел в окно и лениво ковырялся в тарелке.

– Митька, что за вопросы? – удивилась бабушка. – Конечно любит! Каждая мать любит своего ребёнка, ешь давай.

– Неправда, – возразил Митька. – Луша сказал, что кушки бросают птенцов, чтобы их воспитывали другие птицы.

Всё замерло – казалось, даже волны забыли шуметь.

– И где он этого понахватался? Скажет твой Луша. То про птиц, а не про людей, природа у них такая. – Бабушка всё пыталась убрать прядь, которая выбилась из-под косынки. – А ты не смей мою дочь с кукушкой сравнивать, получается – камень и в мой огород. – В голосе была сталь.

– Почему? – Митька удивился, что бабушка обиделась.

– Получается ведь, что я её как-то не так воспитала? – Вероника Львовна раздражённо сдернула платок.

– Нет, бабушка, ты у меня самая лучшая и заботливая, – попытался заверить её Митька.

– А этого, видимо, у Севки понабрался? Тоже решил подлизой стать?

– Мне кажется, что я не нужен маме и папе. Друг другу они нужны, а я им нет. Может, я плохой сын? – Бабушка хотела что-то возразить, но Митька не давал ей вставить и слова: – У меня ведь раньше тройки были, помнишь? Были, и много, даже по пению. Игрушки не всегда убирал. Папа тогда на маленького солдатика наступил, так кричал – думал, всё.

– Что всё? – испугалась бабушка.

– Выкинет всё. Так и пообещал, что если ещё раз будет на полу валяться, то не увижу больше. Ба, а помнишь, я

слопал все конфеты на первое сентября, хоть и знал, что мне нельзя, и сыпь пошла? А я не сознался. Тогда полкило «Метелицы» съел – приторно, невкусно, но я ел и ел. Не мог остановиться. Никого не угостил, хотя должен был принести в школу в честь дня рождения. Решил, а почему я должен их угощать? Подумал, никто меня не поздравил, подарков не подарил, а я им такие вкусные конфетки за просто так?! Вот уж фигурки. Мама так расстроилась, когда я весь пятнами пошёл, живот крутило, пришлось скорую вызывать. В больницу положили. «Продлил каникулы на недельку», – говорил папа. Мама всё злилась, допытывалась, что съел и сколько. Как меня любить, раз я такой болезненный и глупый, знал ведь, что нельзя мне эти конфеты, тем более столько. Так и сказала тёте по телефону: «Глупыш, что-то съел с шоколадом, и вот опять! Что делать с таким врунишкой – ума не приложу». Думала, что я не слышал.

Бабушка нахмурилась.

– Знаю, ты скажешь, что подслушивать нехорошо. Получается, я дважды плохой? – Митька чуть не плакал.

Может, и правда мама не приезжает, потому что я плохой?

Бабушка посмотрела на него ласково и внимательно, не перебивала, не переубеждала. Она не пыталась утешить, не было у неё такой задачи, как и ответов на все его вопросы.

– Я больше не буду так, с конфетами, – пообещал Митька, всхлипывая, – ведь не знал, что могу умереть. – И шёпотом

добавил: – Задохнуться. Мама так и сказала – может быть отёк Свинки.

– Квинке, – машинально поправила Вероника Львовна.

– Ба, я не хочу умирать, я ещё маленький. Севка вон тоже задыхался, так его сюда привезли. Тут дышится легче, правда? Мне так хорошо, что я бы тоже остался здесь. Давай останемся, тебе же тоже тут нравится? Бабушка, давай, а?

– Не переживай, что-нибудь придумается, – привычно ответила бабушка.

Вечером тоска отпустила Митьку – так же неожиданно, как и накатила. В очередной раз ребята ужинали на пляже. Костёр стал неотъемлемой частью вечерних посиделок. Севкин папа приходил с работы, переодевался в домашнее и шёл разводить его. Дядя был настолько увлечён процессом – казалось, что ему самому нравится. Вспоминал себя в детстве? Митька заметил, что шум моря для него звучит фоном, не так громко, как в начале, но всё так же успокаивает. Когда все замолкают и слушают, как потрескивают поленья, то тишина мягкая, уютная. Что может быть лучше, чем когда рядом с тобой люди, с которыми даже молчать – одно удовольствие? Тинка рассказывала очередную историю, Митька пытался сделать снимок Севкиного замка, который они построили днём. В таком свете он был ещё красивее. Мальчишка крутил что-то в настройках фотоаппарата и почти не слышал, о чём говорит Тинка, выхватил лишь последнюю фразу, эхом отразившуюся от притихших волн.

– Завтра его сороковой день рождения, – закончила Тинка и отложила блокнот в сторону.

– Страшная история, жуть. – Севка наконец-то был доволен. Ужастики он любил больше всего.

– Теперь боязно домой возвращаться, – прошептала Тинка.

– Сама написала и сама испугалась? – усмехнулся Севка.

– Не бойся, я провожу тебя домой, нам же в одну сторону, – успокоил Луша.

– День рождения, – произнёс Митька. – Скоро и у меня ведь день рождения. Завтра!

Все посмотрели на него. Шутит? Но зачем шутить такими вещами?

– О, действительно завтра, – вспомнил Севка и обрадовался: – Давай у нас отпразднуем. Мама будет не против, попросим приготовить самый вкусный муравейник. – Севка облизнулся и погладил себя по животу. – Тебе ведь его можно, да?

– Можно, мне только шоколадный нельзя, – ответил Митька.

– Давайте ещё будут шарики! Много шариков! Я с тётей как раз поеду в город с утра, куплю побольше, – предложила Тинка.

– По-девчачьи как-то, – усмехнулся Севка, пытаясь уколоть Тинку, но больше по привычке, а не всерьёз.

– Не-е, у меня в прошлом году тоже были шарики, – возразил Луша.

– Давайте нарядимся пиратами, – предложил Севка, – у меня есть повязки, шляпы и специальные маркеры, которыми можно нарисовать усы.

– И мне можно быть пиратом? – робко спросила Тинка.

– Главное – платье не надевай, – разрешил Севка, – иначе какой же это пират получается.

– А у меня и нет платьев, – ответила Тинка. – Надо не забыть про свечки для торта, сколько тебе исполняется?

– Тринадцать... – как-то неуверенно произнёс Митька.

– Ой, надеюсь, клоунов не будет? Не люблю их, – уточнила Тинка.

– Боишься? – спросил Севка.

– Чего их бояться? Воспоминания нехорошие. Несколько лет назад приходил ненастоящий Дед Мороз, он же весной изображал клоуна. Жутко неприятный тип, постоянно пытался меня пощекотать и ущипнуть. Гадость... – Тинка передернула плечами. – Он должен был надувать шарики, чтобы потом делать из них животных, а шарики полопались. Хорошо хоть следующий мой день рождения праздновали в ресторане. Скука смертная, зато без клоуна.

Весь вечер они планировали, как провести праздник. Митька поддался радостным хлопотам, забыв, как сильно скучает по маме.

День рождения

Митька проснулся от радостного возбуждения. Он знал, что бабушка и тётя наверняка уже украсили гостиную, по за-

пахам понял, что приготовили много вкусовостей. Такое счастье – день рождения в тринадцать лет! Не задумываешься, что ждёт впереди, – лето кажется бесконечным, новые друзья – самыми лучшими.

Закрутилось, завертелось. Уселись в гостиной, а Митьку, как именинника, посадили во главу стола. Все блюда не влезли, часть закусок и фруктов лежала на журнальном столике. Когда успели столько наготовить? Их банда, как и предлагал Севка, нарядилась пиратами. Митька улыбался, глядя на Лушу с размазанным усом и Тинку, которая всё время поправляла шляпу, съезжающую на глаза. Один Севка сидел довольный собой и походил на Джека Воробья. На капитана Джека Воробья.

– Первая по старшинству, пусть поздравит бабушка, – предложила Марина Владимировна.

Вероника Львовна встала, держа бокал как кубок. *Сколько раз она делала так в театре, когда играла цариц?*

– Митенька, – начала бабушка, – любимый ты мой внучок.

– А я? – обиженно спросил Севка.

– Тсс! – отреагировала тётя.

– Почему тсс? Разве я – не любимый? – продолжил возмущаться Севка.

– Вы оба мои любимые, – примирительно сказала бабушка, – но сегодня Митькин день рождения. Мить, ты моя опора. Я знаю, что всегда могу на тебя положиться, во всём мне поможешь. Рада, что у меня и у твоих родителей получилось

воспитать такого прекрасного человека. Мы будем гордиться тобой. Всё, что ты выберешь, будет правильным, слушай своё сердце. С высоты прожитых лет хотелось бы пожелать тебе здоровья, да побольше. Будет здоровье – остальное приложится.

– Спасибо, бабушка! – Митька подбежал и обнял её.

– Ура! – заголосили дружно и начали чокаются бокалами с компотом.

– Мы так спешно собирались, но я не забыла твой подарок. Он ждёт тебя в шкафу, найдёшь его в книге, – сказала бабушка.

– В какой книге? – не понял Митька.

– Той, что ты ещё не читал, но обязательно прочтёшь, не забудь её найти. Я помню, что ты любишь загадки.

– Вау! Бабушка тебе целый квест подготовила! – позавидовал Севка.

Тут же поднялась тётя, не дав опомниться от первого тоста.

– Можно я тоже сразу поздравлю от нас с Ярославом Сергеевичем? И мы оставим детей, пусть развлекаются. Итак, любимый мой племянник. Мы мало с тобой общались, но, судя по рассказам, ты умный и хороший мальчишка. Желая, чтобы все твои мечты исполнились. Знаю, что ты любишь сказки, поэтому дарю тебе особую картину. Надеюсь, что понравится, она шуточная, но ты не обижайся.

Марина Владимировна достала из-под стола небольшой

холст. На картине, нарисованной маслом, Митька мирно спал в кровати, но лежал не как обычно, на боку и обняв подушку, а на спине, и руки поверх одеяла. Черты лица были такими грубыми, заострились.

– Мама, а что это у него? Борода, что ли? – спросил Севка и хихикнул.

Тинка давилась смехом, а Луша компотом.

– Ну какая борода, что ты говоришь. Ему двенадцать, то есть уже тринадцать, получается. Пушка даже толком нет, тень так легла, – поправила его тётя.

– На покойника похож, – заметил Луша не к месту.

– Павел, – укоризненно произнесла Марина Владимировна, расстроилась, что никто не оценил её подарка, посмотрела на мужа в поисках поддержки, но тот увлечённо ел салат.

– Кажется, я догадалась, – сказала Тинка, – он здесь как Спящая красавица?

– Да, да! – обрадовалась тётя и заулыбалась. – Ты угадала.

– Спасибо, тётя Марина, – сказал Митька и поспешил заверить: – Мне нравится.

– Митька представил, как тётя тайком пробирается к ним в комнату и при лунном свете делает наброски. Бр-р. *Странно, что меня рисовали, пока я сплю, а я не видел. Жутковато, но всё равно спасибо.*

Бабушка, уходя, тихонько спросила у Митьки:

– Тебе всё нравится? Всё хорошо?

– Да, – но добавил: – Жалко, что мамы нет.

– Понимаю... Повеселитесь тут. – Она поцеловала его в макушку и направилась к выходу.

Дальше поздравляли друзья. Тинка подарила ему сказку, Севка вручил такой же якорёк, как у него, а Луша – небольшой «Полароид». Голова кружилась от восторга, живот болел от смеха, а потом решили сыграть в крокодила. Правила простые: ведущий показывает загаданное слово, а другие угадывают. Тот, кто угадал первым, показывает сам. В какой-то момент всё стало таким нереальным – слишком хорошо, чтобы быть правдой. Митька вышел на кухню налить себе ещё компота, и тут раздался звонок. Где-то дребезжал телефон. Но не мобильный, а домашний. Митька подумал, что показалось – мало ли кто какую мелодию поставил, имитация. Но тот настойчиво трезвонил. Никто не замечал, все оживлённо болтали, смеялись, уплетали салаты, Тинка показывала очередное загаданное слово. Митька пошёл на звук, который вёл на второй этаж. Остановился перед спальней Севкиных родителей и не решался войти. Он почувствовал, кто на том конце, и поспешил ответить. *Почему мне раньше не давали позвонить, прятали? Может, недавно подключили? Позвать тётю или бабушку? Они что, не слышат? Успею ли?*

– Алло? – неуверенно шепнул Митька. – Алло!

– Митька, Митенька! Ты слышишь меня? – родной голос звучал встревоженно.

– Мам, мама, это ты? Слышу, но плохо, связь тут не очень.

Севка говорит, из-за того, что мы на море. Мама, я на море, представляешь! – Митька сжимал трубку так крепко, словно боялся, что кто-нибудь отберёт. Он сел на пол и прислонился к кровати.

– Митенька, мы с папой так соскучились... – Её голос был таким грустным. ? *Экспедиция не удалась? Что-то случилось*

– Мам, я тоже соскучился, сильно. Приезжайте ко мне, тут так здорово, вместе ходим на море, будем смотреть на закаты, ловить крабов, загорать и нырять с пирса. Разбежались и прыгнули. Сразу вниз! Севка научил меня «бомбочкой», так получается больше брызг! Не бойся, там неглубоко, и море такое чистое, прозрачное, что ноги видно и рыбок, а медуз нет, представляешь? Мама, ты приезжай! Бабушка каждый день стряпает и на артрит не жалуется, говорит, воздух лечебный здесь. Ей тут хорошо, очень хорошо.

– Как бы я хотела, чтоб ты был здесь со мной.

– Где ты, мама? – спросил Митька. – Бабушка сказала, что мне нельзя с тобой, говорит, условий там никаких для детей, а я готов и без вареников! Так соскучился, приезжай!

– Прости меня.

Дождь забарабанил по подоконнику.

– Не беспокойся за меня, – успокоил Митька, – ты знаешь, что я теперь круглый отличник? Каждый день фотографирую, может, папе ещё что-нибудь понравится. Здесь у меня новые друзья появились – Севка, понятное дело, Луша

и Тинка ещё. Мы хорошо ладим, не ссоримся. Бабушку слушаюсь. Тётя с дядей на меня не ругаются, они хорошие, но я скучаю.

– Моя вина, что всё так вышло, – ответила мама.

– Нет, мам, не говори так. Бабушка мне рассказала, что у вас там заказ срочный. Вы не могли отказаться, иначе вас с папой больше не позовут, уволить могут. Да и кто, кроме вас, найдёт те самые древние реликвии? Расстроился сначала, но всё понимаю, мам, чесслово. Получилось найти что-нибудь стоящее?

На том конце тихонько всхлипнули. Свет начал моргать. Митьке тоже захотелось плакать. Комната потеряла свои очертания, скрылась в пелене, лишь отдельные черты, линии, образы ещё как-то угадывались, но так нечётко. Голова закружилась, пришлось закрыть глаза. Что произошло у мамы, почему она плачет? Да, редко звонила из экспедиций, но не плакала, была отстранённой, спрашивала о каких-то милых глупостях, обо всём, кроме насущного и важного, но в слезах – никогда. Митька волновался и рвался к ней всей душой.

– Митька, что там? – В комнату зашёл Севка. Он больше не мог ждать снаружи, Тинка торопила на очередные посиделки у костра. Увидел, что Митька плачет, и вышел, тихонько притворив за собой дверь.

– Мама... мама, ты здесь? – позвал Митька.

– Мне пора, я люблю тебя... – шепнула так тихо, но ему

казалось, что почувствовал её дыхание.

– Я тоже люблю тебя, – ответил он гудкам и держал трубку, пока они не сменились тишиной.

Ему не хотелось выходить обратно и продолжать праздновать. Митька молча встал и ушёл в Севкину комнату. Скинул с себя повязку пирата, не раздеваясь лёг в кровать и накрылся одеялом. Никто не остановил его, не пришёл утешать, и даже бабушка не спросила, куда он пропал. Мальчишка слышал, что гости всё ещё там – разговаривают, звенят посудой, но больше не смеются. Он был благодарен им, хотелось побыть одному. Почти провалился в забытье, как вдруг заиграла музыка.

Решили послушать? Или сыграть на пианино? Или...

Звучало где-то далеко, как сквозь толщу воды. Пришлось откинуть одеяло и прислушаться. Мелодия, такая красивая, но откуда она? Митька встал, подошёл к окну и распахнул его. Зазвучало отчётливее – музыка знакомая и манящая. Остаться дома нет сил. Митька решил во что бы то ни стало узнать, кто её исполняет, пусть бы это и был обычный магнитофон. Мальчишка легко выбрался наружу через открытое окно, стараясь не шуметь, решил идти один. На улице прохладно, но возвращаться за кофтой и упустить мелодию ему хотелось меньше всего. Полная луна хорошо освещала путь – такая близкая, большая, оранжевая, похожая на ночное солнце. Митька не мог смотреть на неё, так сильно она слепила. Он брёл наугад, слушая чарующие звуки. Не боялся

встретить кого-нибудь на своём пути – монстров, бандитов или ту облезлую рыжую дворнягу. Не боялся и того, что бабушка или Севка поднимут панику, и последующей за этим взбучки. Всё потеряло смысл, ничто больше не важно, кроме мелодии. *Когда успело стемнеть?*

Дедушка любил слушать скрипучие пластинки, бабушка, когда прибиралась, напевала песни из спектаклей. Митьке разрешалось самому нажимать на кнопку на старом проигрывателе и ставить иголку, но на уроках музыки – откровенно скучал. Когда заставляли петь, вставал поближе к Алевтине Петровне, чтобы она одна слышала, что он знает слова. Сам же старался петь как можно тише, стыдясь того, как ужасно у него получается. Видя его старания и мучения, добрая учительница ставила пятёрки, для справедливости – с минусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.